

Воздушные замки одного стройуправления

КРОКОДИЛ

До следующей весны.

СВАДЬБА С ГЕНЕРАЛОМ

Справляет свадьбу молодежь
Целинного совхоза.
Невесты краше не найдешь,
Чем трактористка Роза.

И не отыщешь жениха
Знатней шофера Кости...
Дрожат гармоники меха,
Поют и пляшут гости.

Самая невеста вышла в круг,
Как лебедь, в платье белом.
А мать, подсевши к Косте, вдруг
Сказала между делом:

— В письме ты, помню, уверял
Любезную мамашу,
Что будто знатный генерал
Придет на свадьбу вашу.

Я оглядела всех мужчин —
Все штатские, простые.
Так где же твой высокий чин,
Погоны золотые!

И рассмеялся сын в ответ:
— Тот чин, мамаша, с нами,
Хотя на нем погоню нет,
Мундира с орденами.

Вон он — покрытый седной,
В веселом вихре пляса,
Директор наш, не кто иной,
Как генерал запаса!

ИГОРЬ МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

Вот так дырка!

Недавно запах жареного застал меня на Автомоторной улице. Поскольку время было обеденное, я пошел на этот запах и скоро оказался у самого его источника — столовой № 10.

С первым и вторым блюдами все обошлось благополучно. А с третьим получилась заминка. На третье был чай. Надо сказать, очень приятный на цвет. И нестерпимо горячий.

Мы с соседом попытались действовать ложечками. Однако ничего из этого не получилось. Ложечки были почему-то с дырками. Даже с двумя. Одна в желобке, вторая — на ручке.

За прилавком раздатчица такой же ложечкой с дыркой раскладывала сахарный песок по стаканам.

— Ведь через дырку-то сахар высыпается, — заметили мы.

— Ничего, весь не высыплется! — последовал ответ.

Рядом другая раздатчица такой же ложечкой разливала по тарелкам сметану.

— Пока нальете, половину растеряете, — сказала ей кто-то.

— А вам что, мало? Я могу добавить! — не совсем ласково ответила раздатчица.

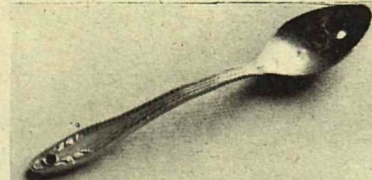
Директор столовой А. С. Орехов разъяснил нам причину происхождения таинственных дырок на ложках:

— Опасаемся злоумышленников. Могут утащить наши чайные ложечки. Положат в карман — и тютю! Чтоб этого не случилось, мы и просверлили в каждой ложечке по две дырочки. И на ножках тоже. Так-то оно спокойней. С дыркой не унесут. Побрезгают браком-то. Хе-хе!

Впрочем, тов. Орехов был явно не честолобив.

— Такое распоряжение я получил от своего вышестоящего начальника, товарища Слонима Александра Даниловича, это его инициатива, — добавил он.

У нас все больше открывается магазинов без продавцов. Трамваи, автобусы, троллейбусы обходятся без кондукторов. Кое-где даже зарплату стали получать без кассира: подходит человек к столу, где разложены деньги, расписывается в ведомости, отсчитывает положенную сумму и идет себе дальше.

В общем, доверяют человеку. Верят в его совесть.

А в столовой № 10 бояться доверить нам чайную ложку. Это копейное алюминиевое изделие изрешетили дырками.

Я опасаюсь, что тт. Слоним и Орехов не остановятся на достигнутом. Они, может быть, распорядятся столовые ложки цепями приковать к столам, а тарелки привинтить шурупами. Навечно!

Всего можно ожидать, когда в здравом смысле — дырка.

Москва.

И. КОСТЮКОВ

НЕБОКОПТИТЕЛЬ

Пермский совнархоз разработал оригинальную конструкцию для обогрева нижних и верхних слоев атмосферы.

20 сентября 1960 года Яринский нефтепромысел закончил строительство газопровода Ярино—Пермь. Краснокамская контора приняла его в эксплуатацию. Однако потребителя газа в Перми не оказалось. И тогда над городом запылал мощный факел: ежесуточно в нем сгорает до 80 тысяч кубометров газа. Обслуживает факел специальная бригада рабочих, возглавляемая опытным мастером.

Уже не действием ли этого нового источника земного тепла объясняется столь высокая температура прошедшей зимы?

Члены партийного бюро Яринского нефтепромысла КУЛИГИН, РЕШЕТНИК, СОЛАРЕВ, СОЛОМКИН; председатель цехового комитета СОЛДОВ.

Лисий аппетит

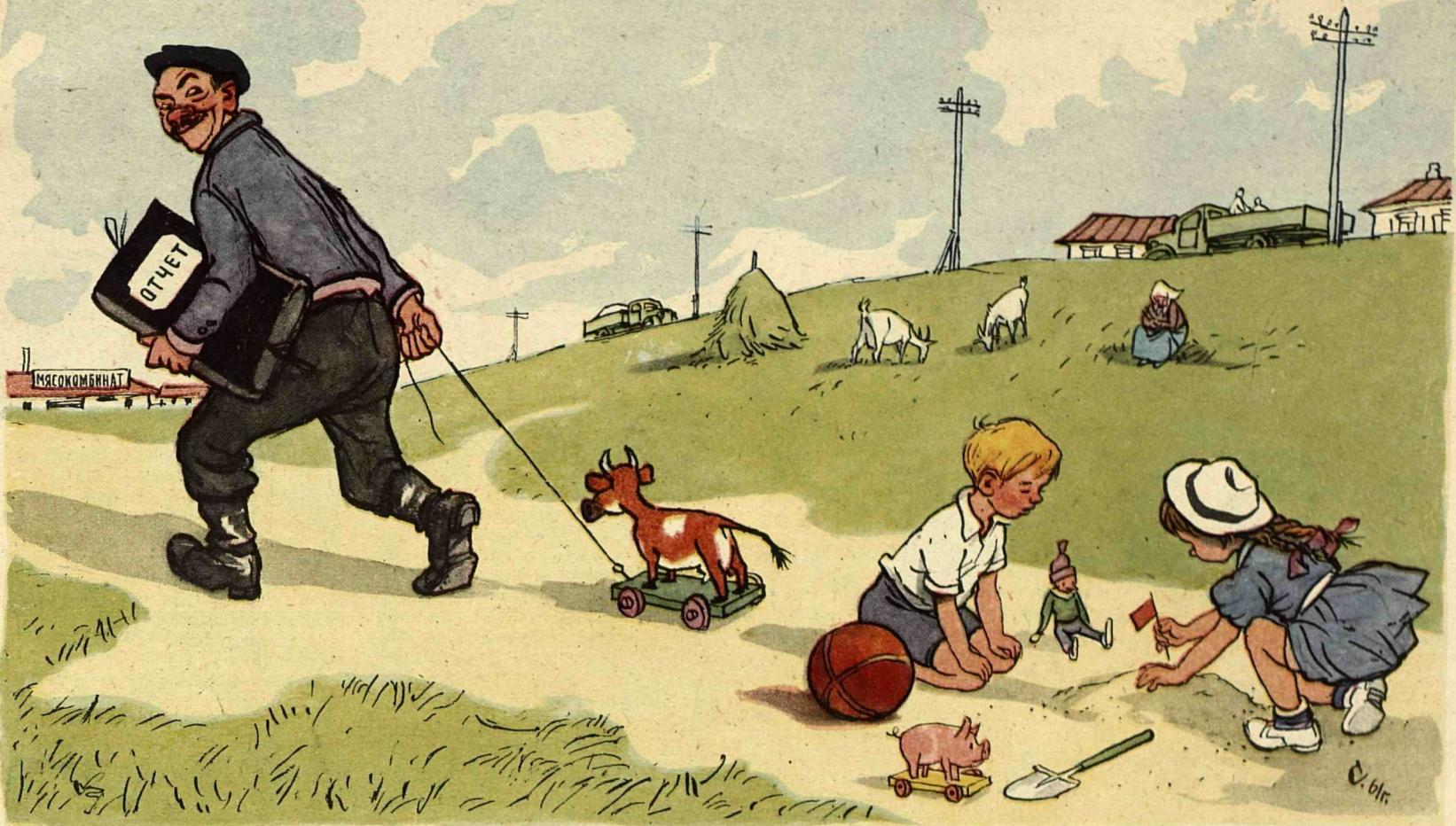
Когда сназочный дракон поселился в какой-нибудь стране, все живое в ужасе трепетало перед его чудовищным аппетитом.

Лиса, объявившаяся в окрестностях совхоза «Чучковский», Сокольского района, Вологодской области, по своему аппетиту не уступает сназочному чудищу: всю совхозную птицеферму разворошила, за два месяца половину кур унесла. В день по две, а то и по три курочки съедала!

Бедняге директору совхоза А. П. Котяшеву пришлось ликвидировать из-за этого всю ферму. Ну, что ты станешь делать, если рядом такая ненасытная соседка поселилась? Разве что ант составить: кур, мол, Патрикеевна съела, и потому занематся птицеводством в совхозе нецелесообразно. Так в совхозе и сделали. Ант есть, кур нет.

А все она, рыжая! Ай да лиса!

А. ПЕРВУХИН,
ст. экономист облфинотдела.
Вологда.

Заготовил!

ПИВО-БРАГА

Странный сон приснился Павлу Георгиевичу Быстрову, начальнику Кировского отделения продснаба рудника имени III Интернационала. Будто идет он по улице поселка и вдруг видит: лужа. Да такая обширная, что ни обойти, ни объехать ее невозможно. Пришлось пуститься вплавать.

Плыл-плыл, а берега все не видать. И начал он захлебываться. Хлебнул раз, глотнул другой... Что такое? Оказалось, не вода это все, а пиво. Собрал остатки сил, вынырнул да как закричит: «Помоги-те!» И проснулся.

Сел на кровати, задумался: «Непроста, должно быть, такой сон приснился... Быть беде!»

Только явился он на службу, а ему докладывают: 600 литров пива Кушвинского пивзавода, завезенные в поселок «Уралец», никаким спросом у населения не пользуются по причине своих кислоторьких качеств.

Схватился Павел Георгиевич за голову: «Вот оно! Сон, значит, в руку». Но виду не показал. Да и неудобно: кругом подчиненные.

— Выход есть! — торжественно сказал начальник, победоносно оглядев участников экстренного совещания. — Из пива будем варить брагу. Брагу — в продажу. Кто-то робко заметил, что торгующим организациям запрещено заниматься производством алкогольных напитков. Однако начальник так посмотрел на противника его проекта, что тот поперхнулся и умолк.

Вскоре сам товарищ Воронов, начальник торгового отдела продснаба, одобрил идею Павла Георгиевича, и работа, то есть брага, закипела.

Клуб поселка Пригородного района Нижнего Тагила, куда вползла «злюдейка без наклейки», быстро превратился в кабак. Присмирившие и приутихшие было до того пьянчуги кинулись в буфет. Завенели стаканы и кружки...

— Граждане, не суйтесь, соблюдайте очередь. Бражки всем хватит! — восклицала буфетчица Дубинина.

Павел Георгиевич стоял поодаль и, наблюдая эту живописную картину, потирал руки: «Сон-то мой не того... Выплыл все-таки я, выплыл!»

А. ШУБИН, В. СТАНЬЮКОВ
г. Нижний Тагил,
Свердловской области.

История с продолжением

Как исполнилось три года
Нашей маленькой Елене,
Папа с мамой в детский садик
Написали заявление.

Написали, указали
Очень веские мотивы:
Нужно нашему ребенку
Развиваться в коллективе.

Но заведующий садом
Так ответил им на это:
— Мест свободных нет.

Придется
Ждать до будущего лета!

Папа занят на заводе,
Мать — в учебном заведении.
Год прошел,
и папа с мамой
Снова пишут заявление.

В горно большие дяди
Заявление им вернули.
— Строим, строим детский
садик,

Потерпите до июля...

Время шло. Росла Елена.
Школу кончила.
А там уж

Полюбила китобоя
И счастливо вышла замуж.

Старики довольны дочкой,
Жизнь теперь казалась раем.
Вдруг приходит извещение:
«Просьбу удовлетворяем».

Улыбнулись папа с мамой
И сказали:

— Вот так штука!
А нельзя ли вместо дочки
В детский сад устроить внука!

Виктор БЕРШАДСКИЙ

г. Одесса.

КЛАЙПЕДСКИЕ СИЗИФЫ

На жителей Клайпеды за что-то гnevаются городские власти. Столь сильно гnevаются, что прибегли к каре, избретенной еще богами Древней Греции.

— Обязать все организации города выстроить за свой счет каменный забор вокруг парка культуры и отдыха, — постановил горисполком в 1954 году.

И началось сооружение высоченных каменных столбов. Многие столбы рушились прежде, чем была заложена кладка.

И все-таки за шесть лет сто пятьдесят столбов кое-как возвели. Удостоверившись в этом воочию, городское руководство удовлетворенно потерло руки, а затем распорядилось:

— Сломать забор!

На месте, очищенном от битых кирпичей, предложено было сажать кусты, каковые самим же горожанам надлежит выдергивать в окрестных лесах. Ходят слухи, что после второго начнется тур третий. На месте живой изгороди будет воздвигнут железобетонный забор.

Древнегреческий миф рассказывает о Сизифе, которого боги приговорили к напрасному труду. Но Сизиф бесконечно таскал один и тот же камень, так что это не ложилось тяжелым бременем на бюджет Олимпа. Чего нельзя сказать о клайпедском варианте. Он плох тем, что непомерно дорог.

Н. СУХАРЕВ

Премиальные

ГОЛОВОЛОМКИ

Не знаете ли вы, почему Белгородское областное управление сельского хозяйства, присуждая мне в 1957 году денежную премию, остановилось на сумме 2 250 рублей? Гораздо эффектнее прозвучало бы: две тысячи пятисот. Вы скажете: ишь ты, захотел урвать побольше! Но ведь денег-то мне не выдали! Премия, так сказать, словесно-символическая. К чему же такая точность?

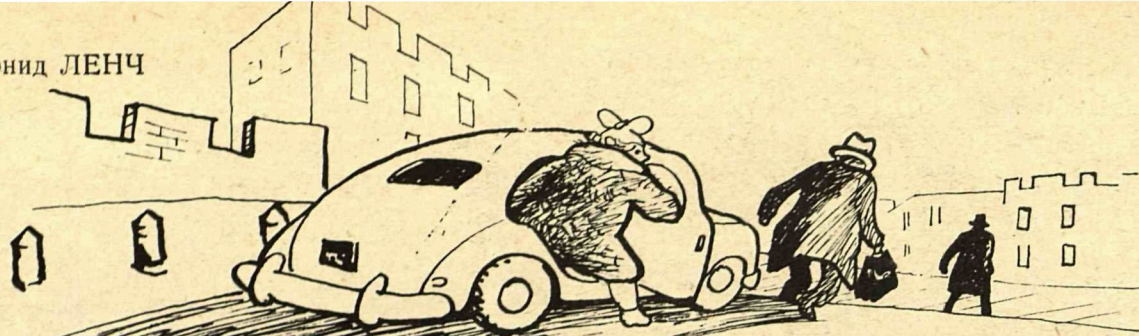
Два года спустя я узнал, что награжден значком «Отличнику социалистического соревнования». Я его не получил так же, как деньги, но не очень волнуюсь. Значок, говорят, из нержавеющей стали.

Н. КОНДОБАРОВ,
прораб совхоза «Винторополь»

Белгородская область.

ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: КАК ПОЯВИЛИСЬ НА ЛОЖКАХ ДЫРКИ? ♦ ЛИСА-ОБЖОРА И ЕЕ ПРОДЕЛКИ. ♦ ИЗГОТОВИТЕЛЬ БРАЖКИ ИЗВЕСТЕН! ♦ 150 СТОЛБОВ И БЮДЖЕТ ОЛИМПА. ♦ СЛОВЕСНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРЕМИИ.

КРАСНАЯ ЦИФРА

Правдивая сказка

Ж ИЛ-БЫЛ (да, собственно, и сейчас живет) некто Беляшин Иван Ферапонтыч, мужчина в самом соку.

Работал он председателем Нижне-Среднего Растаковского горисполкома и очень любил всякие знаменательные даты.

Можно даже сказать, что Ферапонтыч только в кануны праздников и действовал на полную свою мощь, а по будним дням превращался в потухший вулкан.

Сидит, бывало, у себя в кабинете — оплывший, небритый, ча лице мерехлюндия, — листает перекидной календарь. Телефон зазвонит — он возьмет трубку, что-то ответит без всякого воодушевления; секретарша на цыпочках войдет — что-нибудь ей прикажет: «Принесите папирос!» или «Подайте боржому»; посетитель, не дай бог, зайвится — выслушает, но вполуха; совещание случится — проведет, а спросите, о чем было совещание, не скажет. Все, что полагается председателю делать, делал, но не вникал!

Зато перед праздниками Ферапонтыч дивно преображался. В кабинете у себя не сидел, а ходил по нему вперед-назад этаким гарцующе-танцующей походочкой. Никакой расслабленности и мерехлюндии! Глаза горят, щеки чисто побриты, брюхо втянуто внутрь, как у солдата.

Гарцует по кабинету и бодрым басом у своих помощников выпытывает:

— Ну, как там у вас? Какими показателями порадуем вышестоящих руководителей и начальников по случаю светлого праздника?

Помощники докладывают: тут недоделано, там недобрано,

здесь невыполнено, там недожато и недоснято.

Ферапонтыч брови грозно нахмурит и прикажет:

— Закруглить все цифры в положительную сторону!

— Неэтично, пожалуй, этакто закруглять?!

— А огорчать вышестоящих руководителей и начальников в светлый день праздника вашими дрянными показателями — это как, этично?! Да какие же вы, к черту, ниже-средние растаковские патриоты, ежели вы не желаете в светлый день праздника удостоиться вышестоящего внимания в положительном облике?! А ну, закруглять цифры, так вас и так!..

Помощники переглянутся, плечами пожмут и... закруглят.

И вот принес черт в Нижне-Среднюю Растаковку геологов. Ковырялись они, ковырялись и доковырялись до нефтяных пластов. Не успели ниже-средние растаковцы глазом моргнуть, как выросли у них под носом нефтяные вышки.

Понаехали мастера-бурильщики и, конечно, строители. Стали жилье для людей строить. Куда ни поглядишь, везде подъемные краны длинные свои стрелы-шеи поворачивают. Дел у горисполкома тоже прибавилось: всюду глаз да глаз нужен.

Однажды — под праздник это случилось — пришел к Ивану Ферапонтычу строительный директор, большой ловкач и жок, и выложил ему на стол какие-то бумаги. Говорит:

— Пришел вас порадовать, Иван Ферапонтыч, как нашего вышестоящего товарища. Мы план перевыполнили и пяток новых домов отгрохали к светлomu празднику, постарались.

— Вот молодцы! И совсем готовы домишки?

Директор смеется:

— Готовы, вестимо. Стоят! Красуются!.. Ну, конечно, кое-какие мелкие недоделочки остались, мы их подчистим, не беспокойтесь... Я акты приемки уже оформил. Смотрите, тут написано: крыша имеется. А раз крыша имеется, — значит, все, крышка — готов домик. Так у нас, у строителей, с древнейших времен повелось. Так что причитается с вас, Иван Ферапонтыч!..

А Иван Ферапонтыч весь сияет, как новый, только что выпущенный в обращение полтинник.

— Правильно, причитается! Поздравляю с премией! Как это вы кстати пришли, товарищ директор: я как раз рапорт составляю... Вот вы меня порадовали, как вышестоящего, а я от себя более вышестоящих пораду. Так у нас и должно завсегда идти, чтобы, значит, друг дружку радовать... по восходящей линии! Еще раз спасибо!

— Только, Иван Ферапонтыч, вам нужно эти акты скрепить своей ответственной подписью.

— С превеликим удовольствием! — сказал Иван Ферапонтыч.

Взял и скрепил, не читая. А когда директор ушел, вызвал помощников и такое стихотворение в прозе сочинил на имя вышестоящих, что даже сам заплакал слезами умиления. Приказал рапорт передать наверх по телеграфу «молнией» — для пущего блеска.

Прошел праздник, настали будни. Приезжает как-то Иван Ферапонтыч на работу к себе в исполком (с большим опозданием, между прочим, по причине наступившей будничной меланхолии), а навстречу — бледная секретарша.

— Иван Ферапонтыч, к нам приехали!

— Кто?

— Вышестоящий товарищ! Из самого центра!

— Так ведь праздник прошел! Зачем же он?

— Не знаю! Сидит у вас в кабинете, дожидается.

У Ивана Ферапонтыча всю его мерехлюндию как ветром сдуло, и распущенное брюхо само собой втянулось внутрь. Входит он гарцующе-танцующей походочкой в свой кабинет, а там действительно сидит в кресле Вышестоящий, читает газету. Поздоровались. Вышестоящий вежливо говорит:

— Мы получили по телеграфу ваш рапорт, товарищ Беляшин, и очень заинтересовались. Меня командировали познаться с вашим опытом. Возможно, он станет достоянием. Но хотелось бы посмотреть готовые дома в натуре.

У Ивана Ферапонтыча сердце почему-то екнуло тревожно, но он виду не подал.

— Пожалуйста! Машина у подъезда!

— Еще одна просьба: давайте вашу супругу прихватим. Женский глаз, знаете, в таких случаях очень полезен. Позвоните ей, предупредите, что мы за ней заедем.

Позвонил Иван Ферапонтыч своей Анне Сергеевне — строгой женщине на 85 килограммов живого веса, приказал срочно одеться получше и выйти на крыльцо ждать.

И вот едут они втроем на машине на окраину Нижне-Средней Растаковки. Подъезжают к готовым новым домам, а они не готовы: ни оконных рам, ни дверей. Стоят коробки коробками!

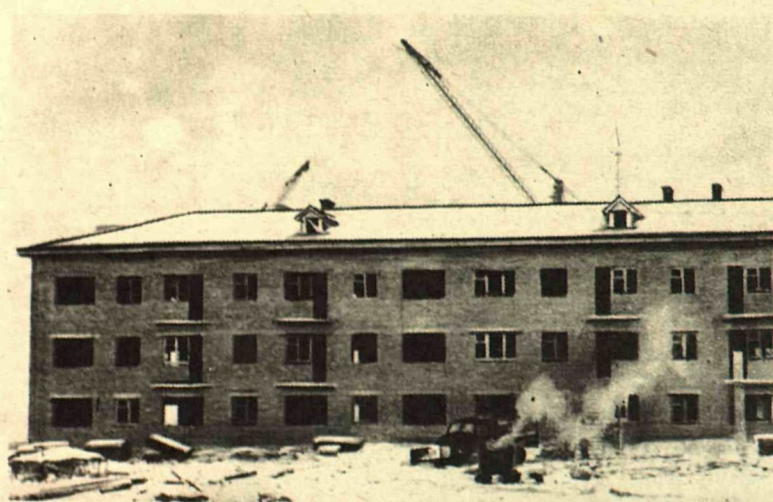
Иван Ферапонтыч аж позеленел от досады и неприятного чувства, а Вышестоящий как ни в чем не бывало вылезает из машины и идет в первый попавшийся дом. Иван Ферапонтыч с Анной Сергеевной за ним. Заходят в четырехкомнатную квартиру. Ветер по ней гуляет, газ не горит, вода не идет. Анна Сергеевна — пронцательная женщина! — говорит:

— Хорошая квартирка!

Вышестоящий к ней:

— А вы своей квартирой довольны?

— Не жалуемся. У нас все удобства. Только тесновато: три комнаты, а у меня две дочери-невесты.

— Сегодня же переезжайте в эту, четырехкомнатную. Мы Ивана Ферапонтовича премируем за его заботу о людях вот этой новой, хорошей, готовой квартирой.

— Большое спасибо! Но зачем же такая спешка? Тут, видите, даже рам в окнах еще нет. Будет дом как следует готов, тогда уж и переедем.

— Вы ошибаетесь: согласно телеграфному рапорту, дом готов. И даже акт приемки скреплен ответственной подписью.

— Да какой же болван мог подписать этот акт?

— Простите, его подписал ваш супруг. Так что придется вам, Анна Сергеевна, сегодня переехать. Покажите героический пример!

Тут Анна Сергеевна покраснела, глазами муженька своего прострочила насквозь и буркнула:

— Не перееду... вплоть до развода!

А Иван Ферапонтыч поник головой и тихо сказал:

— Подвел меня подлец строительный директор.

Вышестоящий к нему:

— Вот видите, товарищ Беляшин, как нехорошо получилось. Вас подвел строительный директор, вы — по восходящей линии — подвели нас. А мы все вместе по нисходящей кого подвели? Ну-ка, скажите!

Стоит перед ним Иван Ферапонтыч с опущенной головой, молчит.

— Признаете свою ошибку?

Тут бес дернул Ферапонтыча за язык, он возьми и скажи:

— Признаю! Мне бы рапорт вам по почте послать... Мы тогда все тут успели бы в ажур привести. А я, старый дурак, по телеграфу грянул да еще «молнией». Переложил и плюс не учел темпов современности!..

Посмотрел на него Вышестоящий, покачал головой, повернулся и пошел себе.

Вскоре Ивана Ферапонтыча сняли с его высокого поста и перевели в Верхнюю Растаковку на другую работу, рангом пониже. Рассказывают, что когда он пришел в новое учреждение, то первым делом взял перекидной календарь и собственноручно черной тушью замазал в нем все красные цифры: чтобы не соблазняться. Поможет ли это ему, не знаю. Поживем — увидим.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. Иной читатель скажет: «Подобные безобразия могут происходить действительно только в сказках». А вот и нет. Посмотрите на снимки слева. Это дома, по мнению управляющего трестом «Башнефтепромстрой» А. А. Волкова, главного инженера Ю. П. Баталкина и секретаря партбюро Н. Г. Ильина, изложенному в их победоносных рапортах на имя начальства и подтвержденному авторитетным словом председателя Краснокамского райисполкома С. Г. Халилова, вполне готовы и могут быть заселены немедленно. Стоят они в поселке Николо-Березовка, того же Краснокамского района. Так что наша сказочная Нижне-Средняя Растаковка со всеми ее обитателями имеет духовных родственников и по сути своей вполне реальна.

...Кукуруза, как известно, очень требовательная культура, она спины не хочет видеть...

Из речи Н. С. ХРУЩЕВА на совещании передовиков сельского хозяйства Казахской ССР.

— А поворотись-ка, сынку!

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ

Весеннее

Иду,
Не знаю, что со мною,
Вот дай трубу —
Начну трубить,
И настроение такое,
Что все на свете может быть.
Быть может, тихая старушка,
Что вяжет правнуку носок,
Подкинет спицы, как игрушки,
И, словно мяч, поддаст клубок;
Зальется смехом —
Громко,
Звонко —
И вдруг вприпрыжку через сад,
Совсем как шумная девчонка
Лет шестьдесят тому назад.
Прохожий
В шляпе
И с портфелем,

Виски задеты серебром,
Он пьет, наверно, раз в неделю
Какой-нибудь там кальций-бром.
А тут забудет бром и кальций
И лихо скажет:
«Ни черта!»
И засвистит
Вот так — в два пальца —
И свой портфель швырнет в кота.
А школьник
Женька или Генька,
Знаток глаголов и дробей,
Возьмет
Подпрыгнет на ступеньке
И полетит, как воробей.
За ним отметки по наукам
Летят, цепляясь за углы,
И только падают со стуком
Тяжеловесные колы.

Нельзя
Не петь,
Не волноваться
Под этой майской синевой,
Быть может, закружиться в вальсе
С голубоглазой поставой!
Начнут кружиться тротуары,
Нам будут улицы узки,
И пусть на нас тарачат фары
На мостовых грузовики.
...Ну, вот и все,
Мой друг читатель,
Хоть нить сюжета не ясна,
Но не сошел с ума писатель,
Нет!
Просто-напросто
Весна.

Лев ГАВРИЛОВ

г. Ленинград.

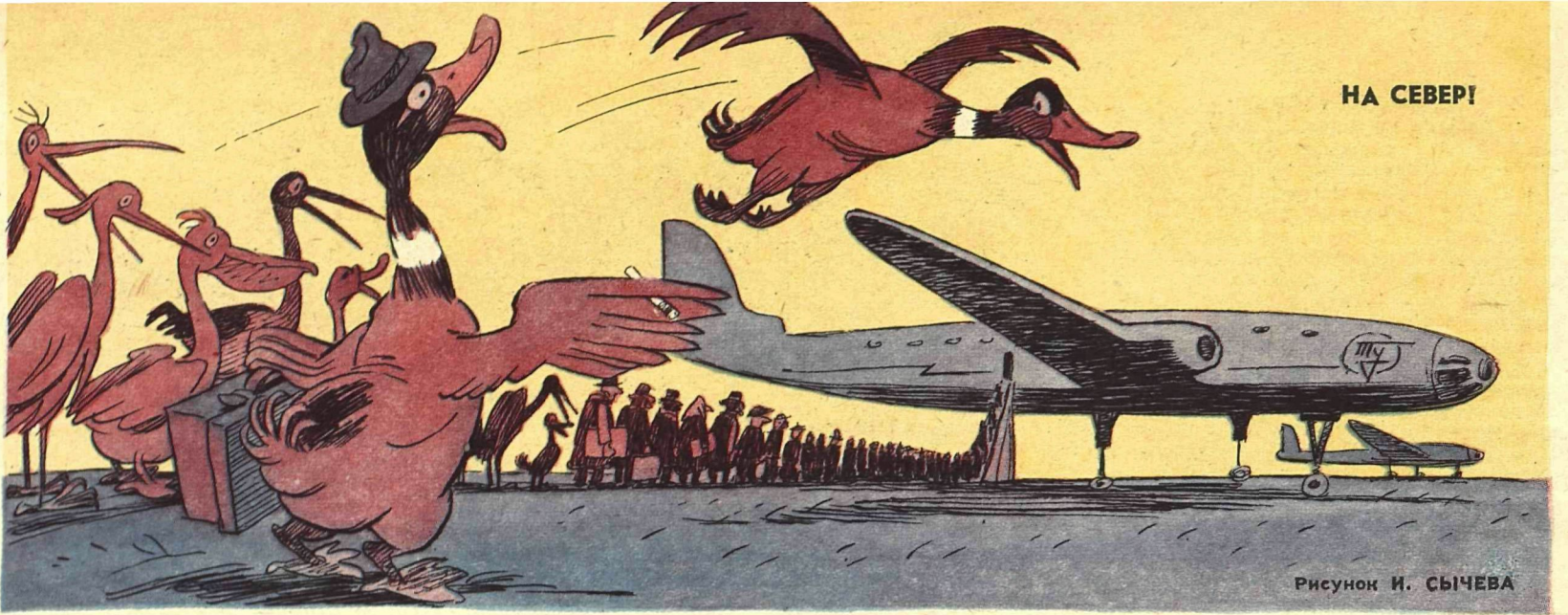

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Зачем крыльями махать! Цены снижены!

В. ВЕНЦОВ

Редька в сметане

Товарищеский суд над слесарем Ситновым уже начался, когда в красный уголок вошел начальник цеха Петр Иванович Дробин.

Члены товарищеского суда, сидевшие на одной скамейке за длинным столом, потеснились, и начальник сел. Он старательно пригладил ладонью редкие волосы, повертел пальцем в ухе и только после этого метнул строгий взгляд на подсудимого.

Слесарь Ситнов жалостливо кашлянул. Ему страсть как хотелось казаться обиженным судьбой. Но красная, могучая шея, пышущее жаром здоровья лицо, грудь колесом говорили об обратном.

— Гражданин Ситнов, встаньте! — приказал председатель суда токарь Шустов и для пущей важности постучал штангенциркулем по графину. — Расскажи-ка, Сенька... э-э, гражданин Ситнов, о вашей первой женитьбе, о первом разводе! Народ тебя слушать хочет.

Ситнов встал.

— Женился я первый раз по глупости. Пришел с военной службы, ну, и... округлился. Наташа, то есть Глаша, тоже мо-

лода была. Недельку пожили — разошлись. Тихо, мирно.

Красный уголок загудел:

— Хи-хи, глупенький!

— Снять бы штаны да всыпать, как бывало!..

— Погодите, товарищи, — постучал штангенциркулем Шустов. — Слово имеет Петр Иванович.

Петр Иванович пригладил волосы и начал:

— Я, товарищи, страшно люблю людей. Да-а, страшно люблю. А бывает, в человека веришь, любишь его, но потом глядишь — он с изъязмом оказывается. Вот мы судим сегодня Ситнова. Кажется, ничего парень, слесарь высокой квалификации. А в личной жизни, я, товарищи, прямо скажу, негодяй он. Да-а... так и скажу, несмотря на то, что на его первой свадьбе я гулял и, помню, даже редьку в сметане ел. Да-а... ел и любовался молодыми. Думал, вот новый семейный очаг загорается. Да-а... обмишурились мы... проглядели.

За мастером выступал нормировщик Корлеев — молодой, решительный человек. Он без обиняков предложил выгнать сле-

саря в разнорабочие. Но слово взял опять Петр Иванович:

— Приговор, товарищи, — дело нехитрое. Всегда успеем вынести. Прежде нужно во всем разобраться, для примера, чтобы и другим неповадно было. Это я говорю, потому что страшно люблю людей. Да-а... Присутствовал я и на второй свадьбе подсудимого. Помню, закусываю... ем редьку в сметане, смотрю на молодых и размышляю: а ведь здорово, черти, они друг другу подходят. Оба статные, веселые, рыжие...

— Сонька черная была, — охотно поправил Ситнов.

— Черная? Пусть будет черная. Главное — хороша. Жить бы да жить. Да-а... Проглядел наш коллектив. Увлёкся выполнением плана, а человека проглядел.

Суд затянулся. Уже три раза председатель суда Шустов стучал штангенциркулем по графину, тщетно пытаясь разбудить кладовщика Фокеича и штамповщика Кислова, сладко задремавших под речи Петра Ивановича. Ушел, махнув рукой, нормировщик.

— ...Довелось мне, товарищи, быть участником и пятой свадь-

бы подсудимого Ситнова. Нечего греха таить, редьку в сметане ел. Между прочим, редька редькой, а дело делом. Глядел я на молодых и радовался: хороша пара! А они через декаду разошлись. Ситнова мы, товарищи, призовем к порядку, одернем. Этого современного донжуана неплохо бы в фельетоне осветить. Но мы-то куда смотрели?

Наконец товарищеский суд постановил: слесаря Ситнова за пятижёнство перевести в разнорабочие и поместить на него карикатуру в стенгазете «Коллективный клин».

— Спасибо, Петр Иванович, за критику. Крепко вы меня... Век не забуду. Только уж вы, Петр Иванович, в субботу заходите. Официально — от себя и от невесты — приглашаю на свадьбу.

Петр Иванович не удивился. Погладив свою голову, произнес:

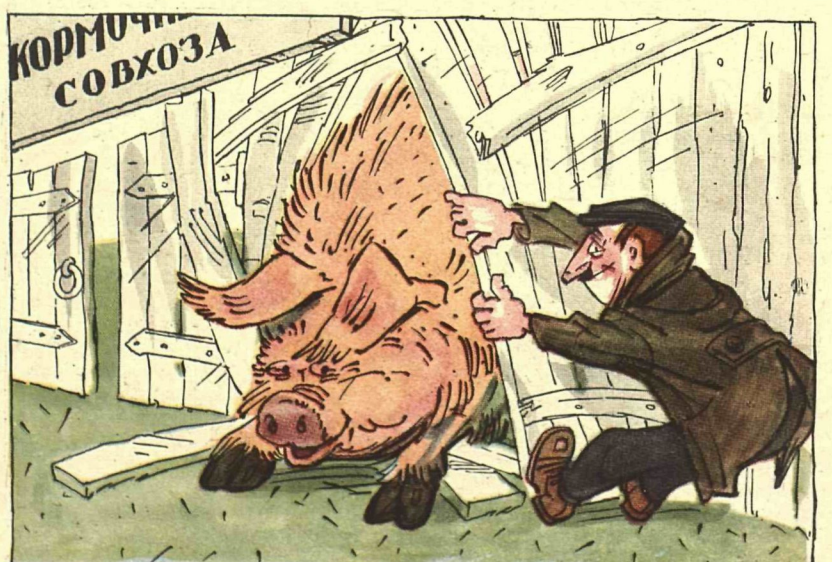
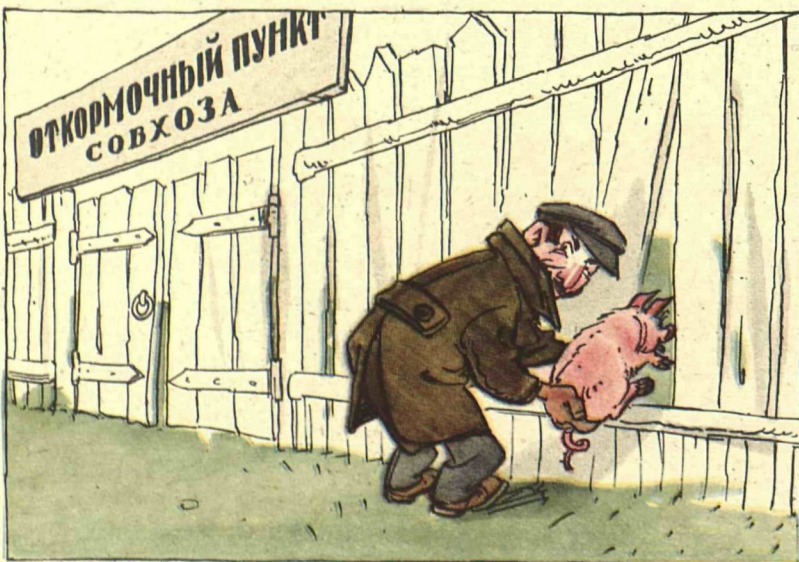
— Да-а... Это хорошо, если на сей раз серьезно. Коллектив будет надеяться.

— Значит, придете?

Петр Иванович повертел мизинцем в ухе и согласился.

Вязники, Владимирской обл.

Рисунок Д. БЕЛОВА

— Ну, будь здорова, расти большой!

У ПОДНОЖИЯ МОНУМЕНТА

С НОЯБРЯ минувшего финансового года и по февраль текущего благоустроители Унгенского района трудились на славу. В дело благоустройства родного райцентра им удалось вовлечь лиц, не имеющих непосредственного отношения к асфальту и щебню, зажечь их сердца благородным огнем ремонта и восстановления.

Пенсионер Я. Н. Федоров по зову начальника межрайонной ремонтно-строительной конторы Бориса Константиновича Ермолина очистил 16 колодцев.

Десятник Н. И. Найда, сплотив вокруг себя рабочих электростанции, зажег электрические огни на крупнейшей площади центра, возле райкома партии.

Тот же инициативный Найда возглавил движение по ремонту тротуаров и дорог на улице Гвардейской. Объединившись с техником комбината коммунального обслуживания Коганом, Н. И. Найда асфальтировал улицы, прокладывал канализационные трубы. Кассир этого же комбината В. И. Смилянская без отрыва от своих основных дел неистово била щебень, рьяно рассыпала песок и что есть силы утрамбовывала проезжую часть дороги.

Благоустроительная горячка перекинулась из Унген в соседний Каларашский район, который обслуживала та же межрайонная ремонтно-строительная контора. В Калараше красили дома, писали лозунги и плакаты. Гражданин Тудорян самозабвенно ремонтировал подряд все городские улицы, а другой энтузиаст, гр. Муханин, забрался на крышу школы глухонемых и сменил там чердачное перекрытие.

Чудесно измененному облику двух районных центров Молдавии недостает одной существенной детали. В коммунальный ансамбль этих населенных пунктов так и просится монумент Алексею Андреевичу Фролку. В бронзе, в мраморе или хотя бы в гипсе. Пожалуй, Унгены имеют больше прав на то, чтобы бронзовый, мраморный или на худой конец гипсовый Алексей Андреевич украсил главную площадь своим постоянным присутствием.

Ибо скоростные методы благоустройства прямо связываются с памятным посещением Фролковым города Унгены.

Явление Алексея Андреевича жителям города произошло 29 сентября 1960 года. Именно в этот день заместитель министра коммунального хозяйства Молдавии и сопровождающие его лица — Шульман, начальник управления того же министерства, Гаврилов, начальник постоянно действующих курсов по повышению квалификации специалистов министерства, — прибыли на Унгенский вокзал.

Прибывших встречали Ермолин, начальник Каларашской межрайонной ремстройконторы, Супрович, начальник Унгенского комбината коммунального хозяйства, Стадниченко, председатель местного горсовета.

Лицам встречавшим страсть как хотелось поразить прибывшую из столицы высокую комиссию каким-нибудь чудом. Но коммунальных чудес в Унгенах тогда еще не было. Они начались, как было сказано выше, уже после знаменательного визита Алексея Андреевича.

И тем не менее чудо было показано гостям в тот же день в местном железнодорожном ресторане. Когда высокие гости появились в зале, бухгалтер комбината коммунального хозяйства Гицис и директор электростанции Полищук сдернули со стола легкое покрывало. Взору Алексея Андреевича открылись милая его сердцу кетовая икра и янтарное созвездие коньячных бутылок.

— Ты же его плохо отремонтировал...
— Взяла без звука!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Алексей Андреевич от трапезы не отказался. Более того, он выказал местным чудотворцам свое явное расположение и удовольствие.

— Угодил! — ласково сказал он, но похлопал по плечу почему-то не Гициса, а его начальника Супровича.

— Стараемся! — хором ответили все местные благоустроители.

Пили за предстоящее очищение вышеупомянутых колодцев. За чердачное перекрытие в школе глухонемых. За щебенку, за асфальт. За дальнейшую электрификацию. За расцвет вообще.

Напили на 800 рублей.

Наутро опохмелялись. На 250 рублей.

Наивный маг и бухгалтер Гицис, испугавшись вызванного им же чуда, опохмелился и робко сказал:

— Извиняюсь, а платить как будем?

Алексей Андреевич крикнул, но за бухгалтером не пошел.

— Не извольте беспокоиться, — заверили его хозяева, — сущие пустяки. Гицис мелет ерунду.

С тем высокая комиссия и отбыла в Кишинев, увозя с собой добрые воспоминания о мило проведенных днях.

УЗКАЯ ШИРОТА

Киностудии выпускают мало фильмов, посвященных жизни села.

Успехи у кино огромны,
Их, как известно, всех не счесть.
Есть звук простой, и есть объемный,
И даже цвет нередко есть.

...Электровоз в тайге далекой,
И цирк, и цех, и новый стан
По праву заняли широкий
Уже привычный всем экран.

Кино сегодня, между прочим,
Одна лишь мелочь подвела:
Экран широк и даже очень,
Жаль... не вмещает он села!

Мих. РАСКАТОВ,
Бор. РОЩИН

А бухгалтер Гицис, если говорить честно, молчал вовсе не ерунду. Не в его чародейских силах было вернуть в кассу пропиты деньги.

И вот тут-то и родилась коллективная идея списать убытки за счет благоустройства родного города.

— Колодцы подождут!

Комбинат коммунального обслуживания начал широкую кампанию по изготовлению липовых нарядов. На личный счет Алексея Андреевича были отнесены и произведенный ремонт проезжей части дороги, и невычищенные колодцы, и давным-давно электрифицированная площадь перед зданием райкома.

Пропили даже чердак в школе глухонемых.

— А вась, не разболтают!

Сам Алексей Андреевич лично участвовал в пропитии первой тысячи казенных денег. Остальные двадцать девять тысяч, полученные через подставных лиц и пенсионеров, были пропиты распоясавшимися подчиненными уже без него.

Но сама по себе эта гениальная идея берет начало с той самой первой рюмки, которую поднял заместитель министра за благоустройство города и его дальнейшее процветание. Однако город Унгены, несмотря на это пожелание, не благоустраивается. Жители ходят по грязным, немоющим улицам и черпают воду из неочищенных колодцев.

Чтобы хоть как-то скрасить городской пейзаж, мы и предлагаем установить на самом видном месте монумент, изображающий самого Алексея Андреевича Фролку, поднимающего тост за процветание города Унгены.

У подножия монумента скульптор мог бы разместить фигуры граждан Ермолина, Гициса, Когана и других должностных лиц, нахально разворовывающих коммунальные средства.

Впрочем, самому Алексею Андреевичу, очевидно, стоит проследить, чтобы деньги, отпущенные на сооружение монумента, не оказались в кассе местного дорресторана.

И. ШАТУНОВСКИЙ,
А. СУКОНЦЕВ

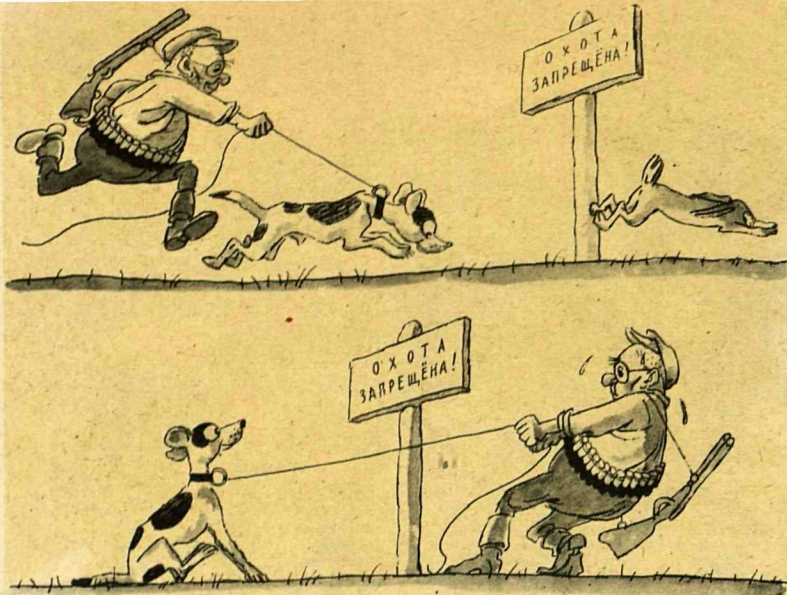

Рисунок А. ГОЛУБЕВА

Грамотная собака.

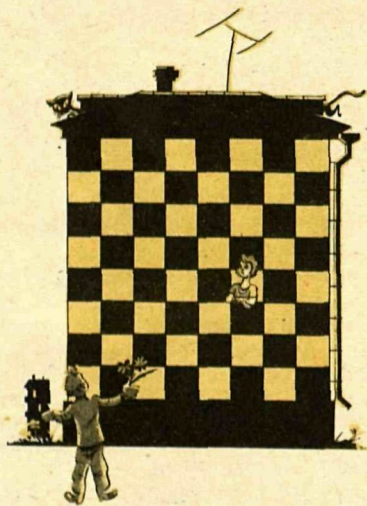
К. КОНДРЯ

Объявление

На стенке надпись: «Не курить». И не курили б, может быть, Но из-за дыма, к сожалению, Не видно было объявления.

Перевел с молдавского Г. ПЕРОВ.

Рисунок И. ОФФЕНГЕНДЕНА

Королева.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

«Не ходи подсматривать, Не ходи подслушивать Игры наши девичьи...»

КРУПИНКИ СМЕШНОГО

Присутствовавшие на комедии сильно смеялись: в первом действии дважды падали декорации.

Об альпинисте говорили, что он идет в гору.

Ему лень было продвигаться даже по служебной лестнице: он привык пользоваться лифтом.

М. ГОРЕВ

г. Иваново

Крокодильские гапсушки

День придет к советским людям (Мы уверены вполне), Первой встречать мы будем На освоенной Луне.

— Хоть перо свое ломай,— Ныл поэт вздохмаченный,— Рифмы все на «Первой» Мной давно истрачены!

В промтоварном выбор есть, И притом не маленький. Оказали маю честь: Лыжи есть и валенки!

Под красивой, яркой аркой— Водной станции плакат, А стоять-то за байдаркой Надо шесть часов подряд.

Лодки нет, чтоб сдвинуть в воду, И у Вани грустный вид.— Не сыскать ли лучше броду! — Маня Ване говорит.

В. ГРАНОВ

«КАМО ГРЯДЕШИ» ???

На Корнелия Зелинского

Все читаю, Все цитирую, А цитаты комментирую. Полистайте, Посмотрите-ка, Как трудна работа критика!

ПОЛНАЯ ИДИЛЛИЯ

Приходила к Мухе Бабушка-пчела, Мухе-Цокотухе. Меду принесла... «Вом! бом! бом! бом!» Пляшет Муха с Комаром... То-то стало весело, То-то хорошо! Корней ЧУКОВСКИЙ

- Что в лесу всего виднее?
- Дача дедушки Корнея.
- Кто на даче всех древней?
- Милый дедушка Корней!

Он живет без суеты, говорят, Со столетием на «ты», говорят, Коренной его кумир, говорят, Всем известный «Мойдодыр», говорят.

Из напечатанного

МУЖ ПЕ

Друзья!

Обращаюсь к вам, как мужчина к мужчинам. Тем более, что дело, о котором пойдет речь, не касается женщин. Нечего им обо всех наших мужских делах знать. Итак, все, что я скажу, держите в строгом секрете. Но лучше по порядку...

В чайхане тихо дрожали струны саза, седой ашуг, закрыв глаза, пел грустную песню неразделенной любви, и старый чайчи в белом пиджаке сновал меж столиков.

— Грустишь, друг,— сказал мужчина средних лет, усаживаясь за мой столик.— Настоящий мужчина не должен грустить. У нас, в Агджабеди, если хочешь найти настоящего мужчину,— ступай в чайхану. Я, например, чем не хорош? Мне за сорок перевалило, а крепок, как молодой дубок! Все почему? Настоящий мужчина должен не работу, а жену хорошую иметь. Ясно? Трудовую. Мне повезло: я на свою жаловаться не могу. Она у меня чуть ли не первый человек в районе. Ее все так называют: киши-председатель. Целым колхозом заворачивает! Бановша Касумова, слышал такую? Председатель колхоза имени Бунитова! Во как!

— А у вас у самого должность-то какая? — спросил я.

— Должность какая? Муж председателя-передовика! Ты думаешь, я один здесь в таком звании хожу? Ничего подобного! Возьми Мамли Гарибова из колхоза имени Узеира Гаджибекова. Его жена больше всех в прошлом году хлопка собрала — семь тонн с лишком. А он сам — ни грамма. Он вообще ни одного трудовня в колхозе не заработал. Да и зачем ему: ведь он муж передовика!

Беседа становилась занимательной. Муж передовика! Такая гордость была в этом титуле, словно человек по меньшей мере диплом на изобре-

ние ракеты показывает. ва такого диплома нет, обладают — свидетельство ком. И этого им вполне чай попиваючи.

— А как с окладом? — продолжал я мужской

Касумов засмеялся и стоит что-нибудь серьезную шутку находят и смеются. гда кажется, что они са-

— Да ты послушай,— чи,— по специальности же он, у своей жены это, конечно, тоже упр-

— Какая? — Управительная,— ка.— Так у нас называю- ные с работой в конто- тах. Короче говоря, все- ния которых не надо в-

— Ничего не понимаю. — Фу,— вздохнул Ка- нишь, можно самовар в-

Собеседник задумался, пытаясь взглядом и того стакана, тихо сказ-

— Хочешь секрет у нас. Как мужчина м- чему в поле работать и смех стоит в колхозе и Ну, слушай. Там во в- ники на поле работали семиклассница, 14-лет- Агаева, в день не мен- рала. Понимаешь? Я не понимал.

ные пародии аммы

ШАРЖИ И. ИГИНА.

Вьется «Муха-Цокотуха»,
«Мойдодыру» лезет в ухо.
Муравей кричит: «Ура-а!» —
В честь Клопа и Комара.

А товарищ «Айболит»
«Бармалея» веселит...

Червячков засилие,
Паучков обилие.
Два притопа — три прихлопа!
Полная идиллия!

РАЗГОВОР ПО СУЩЕСТВУ

...Храню, как музыку, слова,
Чем продолжительней
молчанье,
тем удивительнее речь.
Николай УШАКОВ

Стихи печатного звучанья
Стремятся нас предостеречь:
«Чем продолжительней
молчанье,
Тем удивительнее речь».

Добавим
в виде замечанья —
Нельзя хронически молчать:
«Чем продолжительней
молчанье»,
Тем недоступнее... печать.

ЕРЕДОВИКА

Но у Касумова и Гарибо-
. Они другим документом
вом о браке с передови-
е достаточно, чтобы жить

Премияльные бывают? —
разговор.

подмигнул. Вот так всегда,
зное сказать, люди в этом
ся. Над кем смеются? Ино-
ми над собой смеются.

вмешался в разговор чай-
ри счетовод, но не станет
етоводом работать! Хотя
авительная должность.

вторил муж передови-
ют все должности, связан-
ре, на складах, затопунк-
е те работы, для выполне-
поле выходить.

сумов, — пока тебе объяс-
ыпить.

я, посмотрел на меня ис-
отхлебнув из двенадца-
ал:
знать? Только это между
ужчине, могу сказать, по-
неохота. Ты знаешь, какой
мени Низами? Не знаешь?
ремя сбора хлопка школь-
и. И одна, представляешь,
няя девчонка Люльпар
ше 60 килограммов соби-

— Эх ты! Да ведь ни один мужчина столько
не соберет! Пожалуйста: Беоюкши Хамеров, Га-
ламфир Мамедов из колхоза имени Нариманова
или Шахлар Ширинов, Кулмирза Зульфалиев,
Алекпер Алиев из колхоза «Красный Азербай-
джан» — уж на что ребята здоровые, рога буй-
волу узлом завяжут, а больше 20 килограммов
в день никто не собирал.

— Почему же?
— Чудак! Настоящий мужчина после каждого
килограмма собранного хлопка должен три ста-
кана чая выпить. А женщины без чая обходятся.
Ясно?

Теперь было все ясно. Здесь, в чайхане,
я открыл огромный резерв. Мужской ре-
зерв! Если бы все эти «настоящие мужчи-
ны» перестали держаться за свое «мужское
достоинство», как ребенок за юбку матери, сколь-
ко сильных рук высвободилось бы для хозяйства!
Ведь настоящее дело — это не чай пить в чайха-
не, а доказать, на что способен мужчина в рабо-
те! Разве может настоящий мужчина за спину
своей жены прятаться, разве не стыдно нам хуже
женщин работать! Эдак, пожалуй, не их, а нас
слабым полом называть начнут. А чтобы не стали
это уже сейчас делать, решил я с вами, мужчи-
нами Агджабединского района, да и некоторых дру-
гих районов, в строго секретном письме об этом
поговорить.

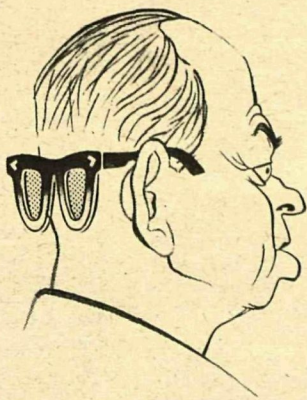
Давайте же, товарищи мужчины, соберемся в
чайхане... нет, нет, только не в чайхане, давайте
где-нибудь в другом месте соберемся и крепко
подумаем: в чем же оно, мужское достоинство?

И, смотрите, очень вас прошу о письме этом ни-
кому ни гу-гу! Пусть уж этот мужской разговор
между нами останется. А то засмеют нас. жен-
щины, ой, засмеют...

Э. ТОПОЛЬ

«КЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД»

На Виктора Перцова

Я современность знаю близко,
Но... обожаю
жить
без риска:
Пишу про классиков-певцов,—
И все в порядке!
В. Перцов

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Дана настоящая районному от-
делу милиции в том, что я, Заха-
рычев Валерий Кириллович, полу-
чил свое заднее колесо».

(Из расписки)

«Мною, механиком гаража По-
повым, взята оконная рама от ми-
лиции, которая была задержана на
месте происшествия».

(Из расписки)

«Николаев зашел в дом Василь-
евой с чемоданом в руках через
окно, которое обращено к морю.
Через некоторое время он вышел,
а окно осталось лежать прислонен-
ное к стене».

(Из заявления)

Собрал Б. АЛЕКСАНДРОВ.

пос. Адлер.

«СПРАВКА

Выдана настоящая колхознику
артели «Красный пахарь» гр. Пет-
рову И. Г. в том, что он везет на
рынок собственную голову в заби-
том виде.

Председатель сельсовета
Иванов»

Прислал В. АНДРЕЕВ.

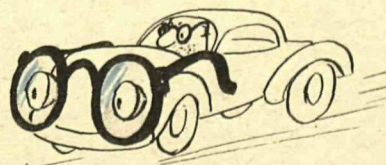
г. Горький.

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

— В следующий раз сам
полезешь за мячом!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Без слов...

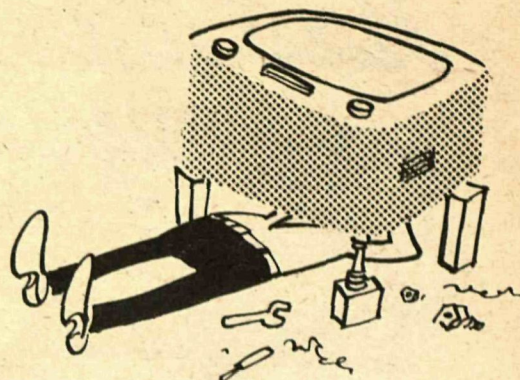
— Ура! Экзамен выдержал!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

СМЕСЬ

Рисунок Р. ОБИВЯНА

Привычка автолюбителя

Физкульт-привет!

Команду энского «Динамо»
Терзал существенный изъян.
В ней Елкин-Палкин, скажем
прямо,

Был экстра-класса грубиян.
Причиной каждой перепалки
Являлся он и только он,
Но пробил час —

и Елкин-Палкин

Был из «Динамо» выгнан вон...

А в «Спартаке» по части драки
Гремел Копьев до сей поры,
Организуя все атаки
Не столь в игре, как вне игры.
В конце концов в решенье
резком

Учили «заслуги» паренька.
И вот Копьев с великим
треском
Освобожден из «Спартака»...

Теперь другая панорама,
Теперь былое вдалеке...
Теперь Копьев грубит
в «Динамо»,
А Елкин-Палкин — в «Спартаке»!

Юрий БЛАГОВ

АВТОПОРТРЕТ

Свинья пожаловала на вернисаж.
Среди множества полотен худож-
ника стояло зеркало. Свинья оста-
новилась перед ним и задумалась.
— Единственная стоящая кар-
тина, — молвила она и, свернув
хвост колечком, покинула выстав-
ку.

Л. КЯУЛЕЙКИС

гор. Вильнюс.

Нейлоновая шубка

Глава
девятнадцатая

«Неплохой сюжетик». Знакомство с Федей Акундиным.

Хольман переночевал в Доме приезжих. Следующее утро не принесло ему желанного облегчения. Он встал поздно, вышел на улицу. С удивительно высокого неба било горячее солнце. Мимо проехала телега с двумя фанерными щитами по бокам. Щиты извещали:

«КЛУБ ИМЕНИ 1 МАЯ

Только два дня.
ГРАНДИОЗНОЕ ЭСТРАДНО-ЦИРКОВОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В 2-х ОТДЕЛЕНИЯХ
БУДЕМ ЗНАКОМЫ!

ИННОКЕНТИЙ ЛОШАТНИКОВ.

Фельетон. Пародия. Реприза. Куплет.

СВАДЬБА ГЛУХОНЕМЫХ.

Мимическая сценка с музыкой.

«ТАМЕРЛАНИ»

Медведь-гигант с Гималаев под управлением
Лаврушайтиса.

ЧУДО-БОГАТЫРЬ ИВАН БУБНОВ!!!

Рекордный мост. Пляска гири. Полторка на

груди. Развитие железобетонных блоков.

Любимцы публики близнецы-сатирики

ЖОРА И ВИТОЛЬД ДЕРИБАС!

Ах, зачем нам Кукарача! Ковбойская канитель.

У них на авеню. Показ и разоблачение

рок-н-ролла,

а также

критические частушки:

«Две веселые подружки

Вам сейчас споют частушки

И коснутся между тем

Здесь различных местных тем».

Начало в 7 часов вечера.

Принимаются коллективные заявки».

Хольман прочел афишу и пошел по улице, обсаженной тополями. За могучей тополюной оградой прятались опрятные стандартные домики. Пейзаж был не для его газеты. Хольман в сердцах закрыл объектив фотоаппарата.

На площади перед правлением колхоза стояли элегантные грузовички Кутаисского завода, а у коновязи — несколько мотоциклов и мотороллер «Вятка». У столба под репродуктором сидел Паша Семиоков. Он слушал музыку, вытянув журавлиную шею. Хольман быстро изготовился и щелкнул аппаратом. «Неплохой сюжетик», — подумал он и с ходу сочинил подпись: «Обнищавший, задавленный советский колхозник не в состоянии иметь дома радиоприемник из-за непомерного радионалога. Он вынужден слушать радио, сидя на улице».

Хольман зашел в столовую. Он заказал графинчик перцовки и шашлык из свинины.

Напротив, за столиком, забитым пустыми пивными бутылками, сидел мордастый, начиненный здоровьем и пивом молодец. Перед ним стояла сковородка с яичницей. Хольман машинально подсчитал: восемь яиц!

Детина нацедил в пивную кружку водки и разбавил ее пивом. Затем на его лице появилось выражение веселого ужаса, и он залпом выпил содержимое. Детина с треском поставил гране-

ную кружку и замотал кудряво-плешивой головой, посаженной на шею штангиста-тяжеловеса.

— Бррр, берет окаянная! — молвил детина, отрубая от яичницы здоровенный кусок.

Хольман с некоторым трепетом наблюдал за завтраком своего соседа. За каких-нибудь полчаса он дважды повторял порцию шнапса. Глаза у него стали красные, словно по ним мазанули бычьей кровью.

— Ты чего уставился, глиста? — не соблюдая протокола, спросил детина.

— Мне... ничего, — поспешил заверить Хольман.

— Ниче-го, ни-че-го, — передразнил детина. — Ездют тут всякие с портфелями!

— Федя Акундин! Не приставай к человеку! — крикнула буфетчица.

— Брысь! — огрызнулся Федя и, повернувшись к Хольману, продолжал: — Уполномоченный, говоришь? Набил портфель портянками и развезаешь? А работать за тебя будет Федя Акундин?

Акундин снова плеснул водки в граненую кружку, долил пиво и залпом выпил гремучую смесь. Разоблачительная сущность тирады Акундина, произнесенной заплетающимся языком, не дошла до Хольмана. Корреспондент спросил с любезной улыбкой:

— Извиняйте меня, что вы пьете? Это есть русский коктейль?

— Ты мне зубы не заговаривай! — наваливаясь грудью на стол, сказал Акундин. — Ты толком отвечай: сколько гребешь, глиста?

— Как я должен понимать слово «гребешь» и слово «глиста»? — по-прежнему улыбаясь, спросил Хольман. — Я никогда не учил такой слова.

— Вот сволочь, придуривается! — возмутился Акундин. — Ну что ты скажешь! Ты зачем приехал, долгоносик? Небось, к Коржу?

— Да, я есть гость Корж.

— Ну и дурак!

На этот раз Хольман понял.

— Зачем вы наносил мне оскорбление? Меня нельзя оскорблять! — с достоинством сказал он.

— Ах, как я напужался! В милицию меня сведишь? Портфелем ударишь? Эх ты, рахитик!.. Ну что Корж? Что выנסитесь с ним? В газетах про него пишут, в кино показывают, артисты песни складуют: тру-ля-ля, тру-ля-ля! Танцуют!

Акундин оттянул кончиками пальцев галифе и, жеманясь, прошелся на цыпочках вокруг стола.

— Федя, перестань сейчас же! — крикнула буфетчица.

— А что ты со мной сделаешь? От милиционера вы сами отказались, а бригадил на работе! — Он весело рассмеялся. — Понимаешь, невыгодно райотделу из-за одного Феде Акундина содержать здесь милиционера! Вот такая ситуация... Так насчет Коржа. Что он из себя представляет? Па-ду-маешь, вырастил Яхонта — чемпиона-рекордиста. У меня у самого кабанчик был! Всем кабанам кабан! Жена выходила! Померла!

Акундин рванул на груди рубаху.

— Заездили, сволочи! Загубили! — Ваша жена умер? — с фальшивой участливостью спросил Хольман.

Акундин не слушал. Он снова составлял свою убийственную смесь. Наскоро чокнувшись, он опорожнил кружку. Затем схватил с тарелки Хольмана палочку шашлыка, нажал сверху вилкой. Мясо посыпалось на тарелку. Он быстро побросал себе в рот куски, как семечки.

— Артист ты. По роже видно!

— Я не есть артист, — пытался возразить Хольман.

— Вот и врешь! Артист и есть. Ты медведя дрессируешь. Меня не обманешь. Скажи, пожалуйста, как он насчет жратвы?

Федя облокотился на стол и деловито продолжал:

— Такую скотину накормить — дай бог! Знай подваливай. А мед ему даешь? От тебя дождешься! Ты его, ханурик, пададько кормишь. Ты отвечай! Не хочешь? Зазнался? Цельный вечер мою водку хлещешь, а брезгуешь?

Хольман был ужасно драчлив и агрессивен в своих статьях на международные темы, но в повседневной жизни он любил улаживать конфликты мирным путем.

— Я заплачу за свой водка, — сказал он.

— Я тебе заплачу! Акундина не купишь! Видел? — Он поднес к носу корреспондента смятую пачку денег.

Насладившись произведенным эффектом, Акун-

дин хотел было сунуть деньги обратно в карман, но промахнулся, и бумажки упали на пол. Ругаясь, он встал на четвереньки. Хольман, воспользовавшись моментом, постыдно бежал, так и не допив своей водки.

Глава двадцатая

Биография тунеядца. Федя выкармливает хряка.

Хольману опять не повезло. Следовало переписать свой ценячий страх и не спасаться бегством. Акундин был единственным человеком, с которым корреспонденту стоило поговорить. Он мог для него оказаться полезным.

Федя был одержим духом предпринимательства.

Если бы Федя жил в капиталистической стране, он был бы лавочником, биржевым маклером, хозяином игорного дома или профсоюзным боссом. Словом, одним из тех, на ком зиждется цивилизация «свободного мира».

В колхозной же Тимофеевке Федор Акундин был последним человеком. Односельчане никогда не называли его по имени и отчеству, а только по имени с прибавлением обидного эпитета: Федя-калымщик, Федя-левак, Федя-шабашник, Федя-кусочник. Акундин искал легких заработков и прибыльных дел.

Он добывал дефицитный кирпич и кровельное железо для будущих дачевладельцев. («Достанем, хозяин. Есть на складе один свой человек...»)

Он терся на курортах у железнодорожной кассы. («Обратный билетик? Сделаем. Постучим в кассу — нам откроют. Придется, хозяин, подкинуть кассиру на молочишко...»)

Он торговал в Москве овощами и фруктами. («Товарищ начальник, да я не спекулянт, я колхозник из Тимофеевки!»).

Продавал кинескопы в Ереване, белорыбицу в Алма-Ате, мандарины в Караганде.

Заготавливал в Коми АССР лес для крымского колхоза «Виноградарь Юга». («Ты, председатель, не сумлевайся — отгрузим горбыль, подтоварник, пиловочник, только шевельни кассой!»)

В Тимофеевке Федя бывал наездом. Жена его, Фрося, тощая, болезненная, рано состарившаяся женщина, изредка выражала слабый протест:

— Все добрые хозяева дома живут, в колхозе работают. Тебя одного носит по белу свету!

— Брысь, личинка! — огрызнулся Федя. — Стану я на них работать! Наши дурачка!

— А Корж?

— Что Корж?

— Тоже дурной?

— Афанасий начальству подошву лижет, вот и живет!

Акундин знал, что это неправда. В глубине души он завидовал Коржу. То была нехорошая зависть мазила-футболиста к прославленному бомбардиру чужих ворот, безголового статиста к талантливому оперному премьеру.

Федя искал у односельчан дешевой популярности. В дни коротких побывок Федя водил соседей в столовую, поил за свой счет водкой, хватал заработками. Но, странное дело, как только разговор касался деревенских дел, неизменно выплывала ненавистная фамилия Коржа.

— А к нашему Коржу опять делегация приехала! Кажись, чехи.

— Тоже сказал! Поляки! Чехи в прошлом месяце опыт перенимали!

— Опыт, опыт! — злился Федя. — А какой такой опыт? Корми свинью от рыла — вот и весь опыт!

— А ты докажи!

— И докажу!

— Как же ты докажешь, ежели у тебя и свиньи нет?

— Добудем!

Как-то, вернувшись из очередного вояжа, он приволок поросенка.

— Породистый! — сказал он Фросе. — Доглядай!

Поросенок был высокий, поджарый, худой, что заяц по весне. Нрав имел легкий, задиристый, собачий. Ел мало. Целыми днями, как оголтелый, носился по сараичку. Это огорчало Федю.

— С таким характером сала не наживешь! И что тебя, свиньячая душа, носит? Допрыгаешься, сукин сын, до ножа!

Со временем поросенок остепенился. Начал исправно есть. Тыкал пяточком в тонкие, как костыли, Фросины ноги, требовал добавки.

— За ум взялся, стервец! — с удовлетворением констатировал Акундин.

Теперь он уже похвалялся перед собутыльниками:

— Покажу я вам по осени, как надо хряка растить!

— Хвастать — не косить, спина не болит!

— Раз Федя Акундин сказал — убито!

Федя не останавливался перед расходами. Трижды поил человека с пивзавода, пока тот не выхлопотал ему разрешение на барду. Болезненная Фрося получила новую нагрузку. Ежедневно она ставила на шаткую самодельную тележку оцинкованный бак и отправлялась за три километра на пивзавод.

Дорога была тяжелой. Колеса тележки, снятые со старой детской коляски, увязали по самую ось. Обратный путь, в гору, был особенно мучителен. Фрося, по-бурацки пригибаясь к земле, тянула веревочную ляжку.

Хряк поджидал ее у дверей сарайчика. Нервная дрожь пробегала по его жесткой желтовато-серебристой щетине. Она с трудом дотаскивала бак до кормушки. Хряк с остервенением накидывался на пищу. Зарыв морду в корыто, он издавал свистяще-хлопающие звуки, будто в его желудке работал испорченный насос. Давясь и разбрызгивая жидкость, он с молниеносной быстротой опорожнял корыто.

От непосильной работы болезнь Фроси обострялась. По ночам она просыпалась от тупой боли. Ей казалось, что сердце подмяла чья-то безжалостная железная ступня. Она лежала с открытыми глазами, боясь вздохнуть.

Наконец она не выдержала.

— Федя, продай хряка! — взмолилась Фрося.

— Да ты ополоумела! Он же сейчас в самый рост входит!

— Заболела я. Сил нет!

— Не жрешь ничего, потому и болеешь. Ты жри побольше, наворачивай, как я, — все болезни пройдут! — сказал Федя с убежденностью и эгоизмом никогда не болевшего человека.

Хряк жирел. Целыми днями он блаженно лежал на боку. Глазки его совсем заплыли; он открывал их только тогда, когда слышал скрип тележки.

— Фундаментальная скотина! — восхищался Акундин. — Небоскреба, а не свинья!

Фрося слабела. Как-то на дороге ее встретил Корж и помог дотянуть до дома тележку.

— Ты никак в пристяжные нанялся? — насмешливо сказал Акундин.

— Жену бы пожалел, — ответил Корж.

— Видали? Жалельщик нашелся! Ты бы лучше колхозных свинарок пожалел. Они по сколько свиной выкармливают? Сотни! А моя Фроська одного.

— Наши девчата за пять километров грязь не месят. У нас механизация, дурья твоя голова!

— Ладно, бог подаст, — оборвал разговор Акундин. — Иди в бригаду, агитируй, а мы уж как-нибудь без тебя!

Однажды Федя вернулся домой после очередной месячной отлучки. Хата была открыта. Ветер раскачивал входную дверь.

— Фроська! — крикнул Акундин. — Где тебя черти носят, стерва!

Никто не отозвался. Акундин пошел в сарайчик. Он увидел голову жены, запрокинутую на пороге. Фрося недвижно лежала на земляном полу, залитом бардой.

Акундин поднял легкую, как пушинка, жену, понес ее в хату. Хряк, сопя и отфыркиваясь, увязался за ним. Тяжело переваливаясь, он следовал за Акундиным, требуя пищи.

Фросю хоронили через несколько дней. Бабы со злобой смотрели на Акундина. Поминали добром Фросю, жалели, что не укладывают вместо нее в могилу Федю.

На поминках Федя без передышки лакал водку. Скулил, грозился привезти из города на могилку Фроси гранитный постамент, выбегал в сарайчик целоваться с хряком.

Утром, хлебнув огуречного рассола, Акундин пошел добывать хряку пищу. Пришлось на манер покойной Фроси впрячься в тележку. Приехал он злой, взмокший от пота, залепанный грязью.

Так началась его жизнь без Фроси.

Ежедневные рейсы за бардой не вдохновляли Федю на дальнейшее соревнование с Коржем. Он решил жениться, чтобы переложить на плечи своей новой избранницы заботы о жадном борове.

Акундин остановил свой выбор на старой знакомой Глаше, бывшей домашней работнице стоматолога Бадмаева.

Глава двадцать первая

В родные края! Глаша как полемист

Глаша прибыла в Тимофеевку после смерти Бадмаева. Врач-надомник неожиданно умер на своем стоматологическом посту.

В тот день Исидор Андрианович принимал Веню-музыканта. Труженик «Скуппромторга» выглядел неважно. Можно даже сказать, плохо. Он осунулся, поблек, его кунья мордочка выражала скрытую тревогу.

Веня-музыкант сел в кресло и открыл рот. Бадмаев увидел много зубов, ему показалось, что их больше, чем это положено для нормальной челюсти.

— На что жалуетесь? — задал традиционный вопрос Исидор Андрианович.

— Я хочу сделать золотые коронки.

— На здоровые зубы?

Догадка озарила мозг стоматолога: Веня-музыкант хочет изменить свою внешность!

Исидор Андрианович не ошибся. Завмаг действительно решил несколько реконструировать свою внешность. На очереди стояла перекраска волос, а также легкая пластическая операция. Весь этот план был продиктован отнюдь не эстетическими соображениями. «Лучше быть уродом на свободе, чем красавцем в тюрьме», — думал Веня. Предполагаемая реконструкция должна была по замыслу завмага максимально затруднить то, что следователи называют «идентификацией личности по чертам внешности».

Вене не терпелось сделать эти необходимые операции, покинуть столицу, чтобы исчезнуть на несколько лет в периферийной глуши. Тучи, ступившиеся над головой завмага и Матильды Семеновны, подсказывали именно это решение. А все началось с чепухи, с небольшой торговой операции с каким-то паршивым дождевиком. Веня продал втроедорога заграничный дождевик сопьяку-стиляге, который вульгарно стащил у папы деньги. Афера обнаружилась. Папа поднял невероятный скандал. В дело вмешалась общественность, институтская многотиражка, затем ОБХСС. Последовали проверки, беседы, вызовы, отклики читателей — словом, назревала катастрофа. Это безошибочно учуял Веня. Матильда Семеновна плакала, разносила по друзьям и знакомым чемоданы с вещами, надеялась, что ее возьмут на поруки. Веня же решил исчезнуть.

Исидор Андрианович еще раз осмотрел челюсть завмага и сказал:

— Зубы — дело хозяйское. Если хотите, поставим коронки. — Он включил бормашину и... начал оседать на пол.

— Что с вами, доктор? — кинулся к нему Веня. ...Исидора Павловича хоронили через три дня...

Глаша не узнала родного села: все было до того новым, что она даже растерялась. Она поспешила в новый сельмаг, чтобы оценить мануфактурную конъюнктуру.

Действительность превзошла самые смелые Глашины ожидания. Полки были доверху набиты штапелем, майей, сатином, маркизетом и еще какими-то тканями с заумными названиями, вроде: маттгольдони, лизетт, твил.

Глаша купила, по привычке (а вдруг после не будет!), восемь метров маттгольдони и семь метров твила. С этой минуты она решила скоротать остаток своих дней в Тимофеевке.

Глаше не дали засидеться. Не прошло и недели, как она уже работала медицинской сестрой в новой сельской больнице.

Федор Акундин, отвергший в прошлом сердечные Глашины притязания, не сомневался в успехе предстоящих переговоров. И впрямь, при виде Федя сердце Глаши дало несколько перебоев и потом еще долго трепыхалось и подскакивало, пока не обрело надлежащего ритма.

Правда, в этом матером, кудлато-плешивом мужике с трудом проглядывался прежний веселый, гибкий, словно ивовая лоза, Федя. Все же это не помешало Глаше с благосклонностью отнестись к брачным устремлениям Акундина.

В конце этой памятной встречи, после того, как были обсуждены жилищно-бытовые вопросы, а также проблемы воспитания хряка и транспортировки барды, после того, как Федя дал ложную клятву выпивать только по большим советским и церковным праздникам, Глаша спросила:

— А где ты, Федя, работаешь?

— Нигде.

— Это как понимать?

— Кормлюсь чем бог послал.

— Спекулируешь?

— Бывает.

— И мануфактурой спекулируешь?

Глаша люто ненавидела спекулянтов мануфактурой.

— Случается, и мануфактурой.

— Как же тебе не совестно людям в глаза смотреть? Ох, Федя, посадят тебя!

— Теперь много не дают. Как-нибудь перебежешь. Будешь передачи носить, — отшутился Федя.

— Не буду я носить.

— Это почему же?

— Не пойду я за спекулянта, — вздохнула Глаша, прощаясь со своей девичьей мечтой.

— Ну и дура!

— Как дура?

— А так. Обнаковенная. Босоножки надела и воображаешь!

— А ты не лайся, — попросила Глаша.

— Ах, ах, простите, мадам! — запаясничал Федя. — Я наступил вам в трамвае на босоножку. Извините меня за ради бога! Тьфу!

— На жену плюйся, а я тебе еще не жена! — сурово сказала Глаша.

— Нужна ты мне в жены с такой фотографией! — схамил Федя, обиженный отказом. — Ты в зеркало глянь. С таким портретом — и под фату лезешь!

Акундин несколько недооценил полемических возможностей Глаши. Это была его ошибка. Длительная тренировка в очередях выковала из Глаши незаурядного полемиста резко атакующего стиля. К тому же повседневная практика необычайно развила ее голосовые связки.

— Чтоб тебе десны повылазили! — сравнительно спокойно начала она. — Чтоб с тебя коронки пососкакивали! Чтобы при инъекции у тебя во рту игла сломалась!

Федя замолк, силясь вникнуть в смысл диковинных ругательств.

— Люди добрые! — вдруг завопила она с такой силой, что ее голос начисто перекрыл рев репродуктора, передававшего марш из «Тангейзера» в исполнении сводного духового оркестра.

— Люди добрые, поглядите на этого паралитика!

Из близлежащих домов показались колхозницы.

— Гляньте на этого проходимца! Жену загубил, а теперь к другим подбирается! Где твоя совесть, спекулянт несчастный?!

— Ты потише, а то схлопочешь! — пригрозил Акундин.

Он побаивался женского общественного мнения Тимофеевки.

— А ты не затыкай мне рот! — взвизгнула Глаша. — Ишь, угрожалщик нашелся! Думаешь, ежели покойницу кулаками мутузил, так и на меня кинешься? Я тебе кинусь, инфекция!

Колхозницы одобритительно загудели.

— Свататься пришел! — упершись руками в бока, с нескрываемым сарказмом оповестила общественность Глаша. — Женишок! Нужен ты мне, гангрена! Еще спекулянтством похвалается! И на что только у вас смотрит милиция! В Москве таких тунеядцев давно выселяют. И как только его колхоз терпит!

Колхозницы зашумели:

— Верно, Глаша!

— Колхоз позорит!

— В сельсовет его! Надо Коржу пожаловаться!

— Выслать его, спекулянта!

— Бабоньки, не так круто! — пытался утихомирить женщин Федя. — Я же никому зла не делаю!

— А кто Фросю в гроб загнал, душегуб?

Акундину ничего не оставалось, как позорно ретироваться. Остаток дня он провел в столовой, где жестоко напился. Вечером Федя, ошалевший от водки и распивавшей его злобы, зарезал хряка.

Всю неделю Акундин пропадал в областном центре. Распродав на базаре мясо, вернулся в Тимофеевку и снова начал пить. Именно в эти черные для Федя дни с ним повстречался в закускойной Ганс Хольман.

(Окончание следует)

ХОЗЯИН ХОБЕКСКОЙ БЕРЛОГИ

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО

Ежедневно в одно и то же время из уединенной виллы «Хобек», расположенной в лесу под Дюссельдорфом, выходит невысокий, кражистый старик с крысиным лицом. В сопровождении огромной овчарки он в течение двух часов молча бродит по густым зарослям и буреломам, а затем возвращается в свой кабинет.

Здесь за письменным столом, над которым висит портрет «железного канцлера» Бисмарка, он засиживается до глубокой ночи.

Это Фридрих Флик, некоронованный монарх большого западногерманского бизнеса, «настоящий немец бисмарковской чеканки», как пишет о нем его биограф.

В историю Германии Бисмарк вошел как отец империи прусских юнкеров и рурских пушечных королей, которую он создал «железом и кровью». Тем же «материалом» пользовался и Флик, создавая свою промышленную империю.

«Он создал между двумя мировыми войнами», — говорит биограф Флика, — индустриальное герцогство, которое было, пожалуй, больше, чем то, которое создала династия Круппа за четыре поколения.

Королей большого бизнеса, как и королей уголовного мира, властно влечет к себе золото, и заполучить его они стремятся любыми путями, не останавливаясь даже перед преступлениями. И не потому ли у магнатов и гангстеров столь схожа «метода»? И те и другие предпочитают действовать «втихую».

Когда Фридрих Флик шесть лет назад в абсолютной тайне, минуя биржу, завладел контрольным пакетом крупнейшей в ФРГ автомо-

бильной компании Даймлер-Бенц, буржуазный журнал «Дер шпигель» напомнил характерный штрих биографии Флика:

«Скрытность и молчаливость, с которой Флик, как классический специалист эффектных операций, подготовил и эту сделку, еще 40 лет назад послужили основанием для его прозвища «Гений бесшумности».

Флик ничто так не ненавидит, как публичность. До 1945 года в печати ни разу не появилась его фотография. Флик не только сам предпочитает помалкивать о своем преступном бизнесе, но и от приближенных требует сохранения строжайшей тайны. «Верховным законом в штаб-квартире Флика», — пишет «Дер шпигель», — является строжайшее молчание».

О скaredности «абсолютного монарха» сложены легенды. Говорят, что миллиардер Флик курит самые дешевые сигары, что до последнего времени он ездил только в вагонах III класса, а в молодости, вернувшись с военной службы, несколько лет не снимал солдатские штаны. Но коль скоро дело идет о тайнах его «двора», старик не купится на золото. Каждый месяц Флик выплачивает от пятисот до тысячи марок своим бывшим сотрудникам за их молчание.

В конце 20-х и начале 30-х годов Флик занял ключевые позиции в акционерном гиганте «Ферейнигте штальверке». Этот концерн располагал 50% мощности сталелитейной и 20% угледобывающей промышленности Германии. Это был подлинный «Олимп» империалистических богов. И в роли промовержца здесь нередко выступал сам Фридрих Флик.

На поклон к «олимпийскому богу» в те годы часто хаживали и имперские министры. Здесь они получали инструкции, здесь же их покупали с потрохами. В салоне Флика, например, вращался министр иностранных дел Штрейзман. Глава концерна одобрил политику имперского канцлера Брюнинга и поддержал избрание Гинденбурга на пост президента. Деньги от Флика получал и рейхсканцлер Шлейхер.

И тем не менее, закрепившись на вершине экономического могущества, Флик не чувствовал себя в полной безопасности. В ту пору штормовые волны народного гнева грозили самому существованию германского капитализма. Флик поспешил оградить свой трон и троны своих коллег плотной фашистской диктатуры. В 1932 году буржуазным партиям из специального фонда Флика было выплачено 950 тысяч марок. В том же году руководители предприятий Флика передали местным фюрерам национал-социалистической партии 50 тысяч марок.

Когда фашисты стали наглеть, скряга Флик еще шире распахнул для них свой сейф. После взятия гитлеровцами власти концерн Флика ежегодно выплачивал 100 тысяч марок близкому окружению Гиммлера.

Благодарные палачи возвели Флика в ранг «вождя экономики». «Назначение Флика виртшафтсфюрером», — писала в те дни гитлеровская «Дас рейх», — было заслуженно». Впрочем, комплименты были взаимными: партийная фирма «Гитлер, Гиммлер, Геринг и К^о» состояла из лиц такого сорта, о которых Флик обычно говорил так: «Это люди, перед которыми можно снять шляпу с глубоким поклоном».

Флик не только поклонился нацистским фюрерам, но и поспешил нацепить на лацкан пиджака значок члена гитлеровской партии.

Вся производственная мощь империи Флика была поставлена на военные рельсы. Сталь Флика — это танки Гудериана, пушки Кейтеля, бомбы Геринга, подводные лодки Деница, это гестаповские наручники и автоматы Гиммлера, это смерть и разрушение.

В то время как в тайниках имперской канцелярии усердно разрабатывали детали преступного нацистского заговора и уточняли график агрессии, в берлинском «штабе» Флика разрабатывались планы грабежа и эксплуатации будущих оккупированных территорий Европы. А когда гитлеровские орды устремились через границы рейха на запад и север, на юг и восток, вслед за вермахтом двинулись уполномоченные Флика.

Флик производил орудия смерти. Она оказалась для него самым доходным, самым прибыльным бизнесом. Флик щедро делился своими прибылями с рейхсмаршалом Герингом. Он преподнес Герингу несколько рудников и угольных разработок стоимостью в 10 миллионов марок!

К своим «монаршим» титулам Флик прибавил во время второй мировой войны еще один: он стал рабовладельцем. Соток тысяч мужчин и женщин, угнанных гитлеровцами в неметчину, гнули спину на предприятиях Флика. А сколько было забито, замучено, умерщвлено его надсмотрщиками!

В великосветских салонах западногерманской промышленной знати карьеру Фридриха Флика часто сравнивают с «полетом кометы». В этом, пожалуй, есть доля правды. В глубокой древности появление на звездном небе кометы считалось предвестником войны. Через две мировые войны протянулся за Фликом хвост преступлений против мира и человечности. Путь этой «кометы» отмечен приговором Нюрнбергского трибунала, осудившим Флика в 1947 году на семь лет тюремного заключения за соучастие в преступлениях эсэсовцев, за грабеж, за использование рабского труда...

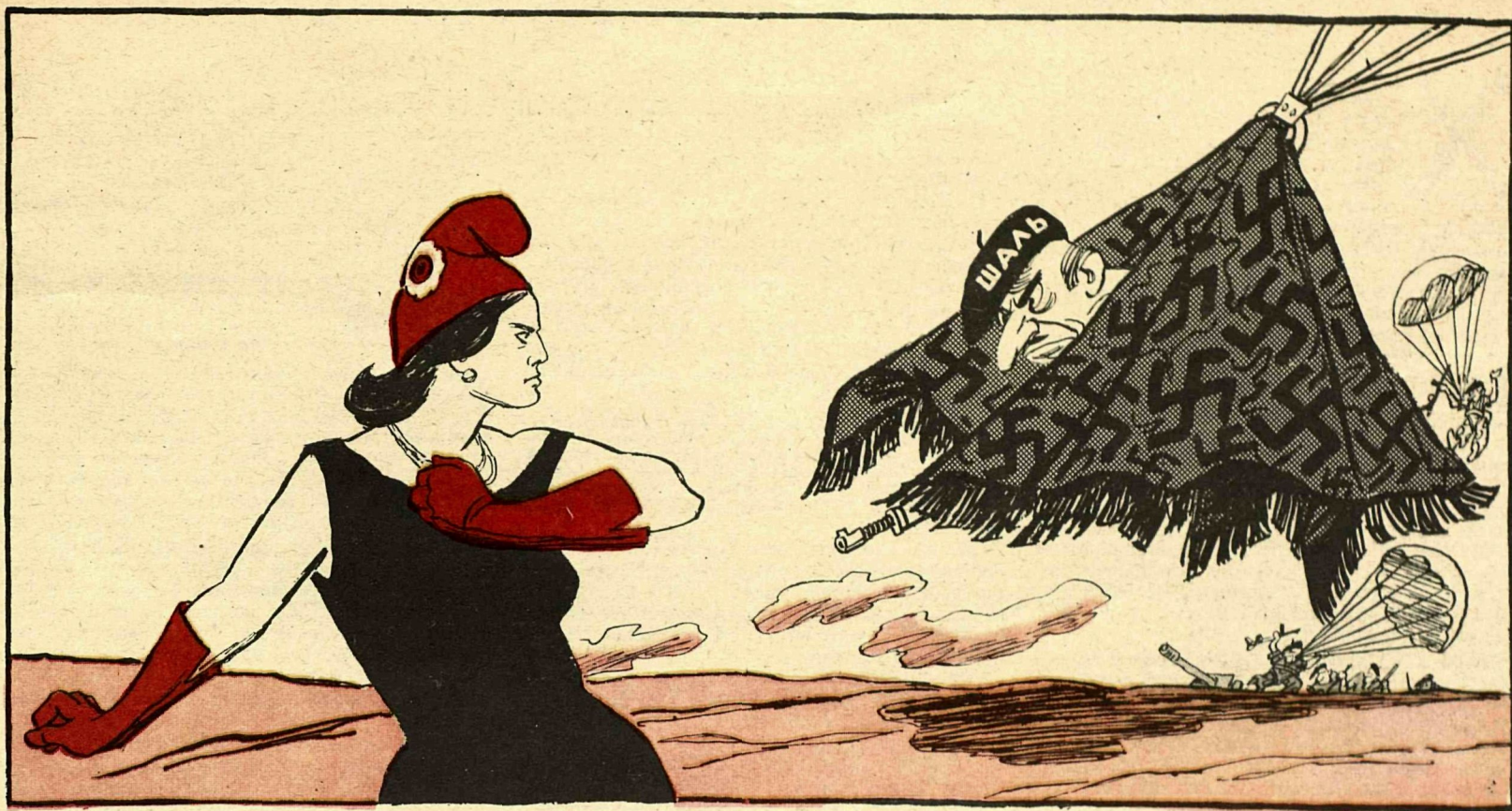
Прошло всего три года, и случилось невероятное: двери тюремной камеры Флика распахнулись. Преступник, освобожденный своими американскими коллегами, вышел на свободу. И опять на политическом небосводе Западной Германии злобеще сверкнула «комета» Флика. Сегодня Флик снова один из самых богатых людей ФРГ. В руках Флика акции более пятидесяти акционерных обществ, производящих сталь, уголь, военную технику, химическую продукцию, добывающих уран, изготовляющих динамит. «Его солдаты сидят повсюду», — говорит один из близких друзей Флика. — Никогда нельзя знать заранее во время переговоров предпринимателей, кто из 14 или 30 присутствующих господ является солдатом Флика».

Там, где появляется Флик, пахнет порохом, подсакивают акции военных предприятий, куется оружие новой войны, готовится новое преступление.

Когда председателем наблюдательного совета акционерного общества «Динамит акциен Гезельшафт» в Троицдорфе, что возле Бонна, был избран Фридрих Флик, акции «Динамита» сразу же подскочили на бирже с 60 пунктов до 620! Ведь «Динамит» работает на Флика! А Флик привык работать на войну.

«Гений бесшумности» с годами не расстался со своими привычками. И хотя он уже давно поседел, но он по-прежнему ненавидит гласность, и из недр хобекской берлоги «втихую» руководит возрождением своей империи вооружений.

В. МЕНЬШИКОВ

— Эта Шаль мне не к лицу!

Мелкой дробью

НА ГЛАЗАХ У АФРИКАНЦЕВ

По сообщению газеты «Ивнинг ньюс», Англия решила внести свою лепту в дело помощи африканским странам. Исполнительный совет графства Суффолк вынес постановление собирать старые, поломанные очки и пенсне и отправлять их через миссионеров в слаборазвитые страны.

Таким образом, даже близорукие и дальновзоркие африканцы смогут теперь увидеть все благородство английской помощи.

ПЛЮШКИН С МИЛЛИАРДАМИ

Американский миллиардер Поль Гетти, один из самых богатых людей в мире, заменил в своем доме (стоившем, кстати, более миллиона долларов) все обычные телефоны на телефоны-автоматы, которыми можно пользоваться, лишь предварительно опустив монетку.

Не исключена возможность, что вскоре Гетти откроет для членов семьи и гостей платную столовую. Все-таки легче будет...

БЕДНЫЕ БОГАЧИ

Настоятельница одного римского монастыря Орнелла Броччи собирается создать миссионерские пункты в Африке, напоминающие отели с роскошными апартаментами, плавательными бассейнами, театральными залами и т. д. Пункты эти предназначаются для местных богачей, желающих искупить грехи. Монахиня Броччи так объясняет свои планы: «Все всегда заботятся о нуждах бедняков. Но никто никогда не задумывался о духовных запросах богачей».

Бедные богачи!

ЭЛЕКТРОННЫЕ МЛАДЕНЦЫ

Американский математик Джон Д. Уильямс выразил опасение, что электронные вычислительные машины вскоре смогут стать «умнее» человека и начнут им командовать. «Единственная надежда, — заявил Уильямс, — это научиться проектировать потомство так, чтобы резко повысить умственные способности людей».

К сожалению, Уильямс не разъяснил, что он имеет в виду: смешанные браки между людьми и электронными машинами или некий стол заказов, в котором супружеские пары смогут заказывать электронных младенцев.

БЕСШУМНАЯ МУЗЫКА

Шел по Лондону средний англичанин. Остановился у яркой афиши и узнал, что сегодня в концертном зале Чигмор-холл состоится выступление пианиста Томаса Бледа. Решил пойти послушать хорошую музыку, отдохнуть душой. Взял билет, нашел свое место.

На эстраду вышел пианист. Поклонился публике, сел к роялю, поправил фалды фрака. Зал замер. Средний англичанин тоже замер. И тут началась чертовщина! Томас Блед вроде как бы играет, а в зале ничего не слышно. Только легкий шелест от прикладывания пальцев к клавишам.

Средний англичанин — к соседу:

— Простите, что он играет?

— Прелюд Шопена.

— Простите... а вы что-нибудь слышите?

— Зачем?!

— Простите, как это зачем? Музыка же, она... для улажнения слуха, так сказать!

— Вы очень отстали от современных вкусов, господин! Томас Блед исполняет бесшумную музыку. И, пожалуйста, не мешайте мне ее воспринимать!

С этим словом сосед положил голову на спинку кресла и закрыл глаза.

Нервно икая от изумления и страха, средний англичанин на цыпочках покидает концертный зал.

Есть, оказывается, на Западе и такое. Не только исполнители, но уже и сочинители бесшумной музыки появились. Сочиняют бесшумные симфонии, бесшумные сонаты, бесшумные романсы. И шумно ссорятся между собой, уличая один другого в краже бесшумной мелодии.

Рецензент газеты «Дейли миррор» по этому поводу иронизирует: скоро, мол, у нас появится и невидимая живопись.

А, может, оно и к лучшему. Ведь по сравнению с видимой абстракционной мазней невидимая живопись — явление более прогрессивное!

СЕНАТОР И КАЛЕНДАРЬ

Листок тридцатого апреля
отрывая,
Сенатор ежится,
как будто слышит гром:
— Вот так всегда:
весна...
А веет
ОКТАБРЕМ!
начало мая...

Н. ПОЛОТАЙ

г. Симферополь.

Л. Л.

ОПРОВЕРГАТЕЛЬСКИЙ ЗУД

ОТЯ зуд опровергательства — болезнь малоизученная, но некоторые ее симптомы широко известны. Обычно зуд возникает сразу же после появления в печати разоблачительного материала. Затем наступает стадия острой опровергательской лихорадки. Больной мечется, не находя покоя. Сознание его затемняется. Некоторое успокоение опровергатель находит в писании заявлений, протестов и призывов к возмездию.

Классическое течение указанного заболевания мы наблюдали после опубликования фельетона «Мусор в избе» (Крокодил № 34 за 1960 год). Речь в нем шла о взяточниках, процветавших в парикмахерском хозяйстве Ленинграда. А также о том, что нынешние руководители Управления бытового обслуживания преследуют работников, помогавших разоблачить вымогателей, и с нежностью относятся к тем, кто взяточников выгораживал. В фельетоне назывались имена начальника управления М. С. Лещинского, начальника отдела парикмахерского хозяйства Н. М. Ляпкина и начальника отдела кадров Л. М. Борисовича.

После опубликования фельетона было созвано открытое партийное собрание управления бытового обслуживания. Но оно было несколько своеобразным: на трибуну допускались только приближенные к руководству лица — директора фабрик, начальники отделов и их замы. Каждый из них превозносил заслуги Лещинского и Ляпкина. Попутно шельмовался автор фельетона. Особо отличился заместитель Ляпкина С. Л. Бродский. Он предложил оригинальный способ перевоспитания фельетониста: «Нужно его веревкой притянуть за шею к бревну и прибить язык гвоздями».

На собрании запахло средневековьем.

В таком доброжелательном духе шло обсуждение фельетона. Под занавес было принято соответствующее решение, которое вместе с письмом секретаря парторганизации Т. А. Петровой было направлено «всем, всем, всем».

Мы уже отмечали, что страдающие опровергательским зудом теряют ясность мысли и чувство меры. В частности, руководители управления бытового обслуживания забыли, что, кроме них, Крокодил читают многие другие люди. Среди наших читателей оказались товарищи, которые своими письмами в редакцию внесли существенные поправки в благопристойную картину «открытого собрания». Предоставим им слово. Пишет коммунист П. Ф. Попов:

«Ораторы были подготовлены заранее, и на них был составлен список... А кто не входил в этот список, тем слова не дали. Например, мне. В начале собрания я подал записку в президиум, чтобы мне дали слово, но я его так и не получил».

Вот как нехорошо бывает, когда мероприятия проводятся в состоянии лихорадочного зуда. А как было бы полезно послушать на собрании компетентных товарищей!

Например, тов. Попов хотел рассказать о том, как Лещинский и Борисович покровительствуют очковтирателям, работающим в ломбарде.

Почувствительной была бы и речь члена партии М. П. Соболевой, которая утверждает, что «скромный, правдивый, честный коммунист Трофимов вызвал возмущение начальства и остался без работы за то, что откровенно и справедливо давал показания на суде».

Ее поддержал бы и бывший секретарь партбюро 1-й конторы П. Ф. Сидоров, сообщивший нам все обстоятельства этого конфликта:

«Приход Трофимова на смену взяточнику Левиту не всем пришелся по вкусу. У него нельзя было за взятку купить дополнительный отпуск или покрыть украденное и т. п., что раньше было обычным явлением в конторе. Поэтому к нему сразу же стали придираться. А после того, как он откровенно

рассказал на суде о пороках в системе управления, Лещинский вызвал его и снял с работы».

Каким оживленным, острым и принципиальным могло бы стать собрание, если бы тов. Петрова подготовила и провела его как следует! Увы! Нелегко было ей справиться с этим делом. Нелегко хотя бы потому, что она одновременно занимает должность начальника ревизионного отдела управления бытового обслуживания. А о том, как тов. Петрова относится к своим обязанностям, нам известно из письма контрольно-ревизионного управления Министерства финансов РСФСР, адресованного в Крокодил.

«Внутриведомственный финансовый контроль управления бытового обслуживания поставлен неудовлетворительно: акты ревизий некачественны; меры по актам или не принимаются, или принимаются несвоевременно; контроля за выполнением приказов по актам ревизий нет».

Не мудрено, что тов. Петрова в приступе опровергательского зуда не жалеет слов, чтобы вывести из-под удара своего начальника М. С. Лещинского, покрывающего ее бездельность. Она требует опровержения. Рады бы, но не можем.

Перед нами справка прокурора Куйбышевского района гор. Ленинграда тов. Смирнова. Он пишет:

«В судебном заседании при рассмотрении дела по существу свидетели Беляева, Бесчинская, Покровская и Тимофеева показали, что сбор двадцати одной тысячи рублей был организован осужденной Бончковской, и, как заявила им последняя, эти деньги предназначались для Лещинского».

Вот какая нехорошая эта Бончковская. Сколько неприятностей причинила она бедному Лещинскому. Вероятно, его вызывали, допрашивали, устраивали очные ставки. И он, наверно, заматался, пока отстоял свою честь... Ничуть не бывало. Все сделали вид, будто никаких показаний вовсе не было.

Лещинский счастливчик. Ему всегда сопутствует удача. Судите сами. В 1954 году за всякие неблагоприятные дела его снимают с поста зампреда Леноблпромсовета. Но тут же его подхватывают заботливые руки и пересаживают в кресло председателя Облкооюза. Затем кресла меняются, но Лещинский неизменно остается в руководящих сферах промышленной кооперации.

В 1959 году областной суд рассматривает крупное дело взяточников и хищников, орудовавших в одном из звеньев областной промкооперации. Речь шла о расхищении многих миллионов рублей. В процессе следствия и на суде неоднократно упоминались имена Вдовина, Лещинского, Левина и других. Бог знает, что говорили свидетели и обвиняемые:

«Взятка за устройство на работу, за получение сырья, ежемесячные взносы руководителям союзов от лица руководителей артелей — ведь это система. И тот, кто не подчинялся этой системе, тот оставался за бортом». (Том дела 29, лист 140.)

«Со слов Панютина, Розенблюма, Зайдеса, платили им, а также Лещинскому ежемесячно по 4 тысячи рублей». (Том 6, лист 3.)

«В Швейтрикотажсоюзе, которым руководил Лещинский, собирал деньги Зайдес, который платил Аншелевичу и самому Лещинскому». (Том дела 6, лист 3.)

И снова никто не допрашивал Лещинского. Мало того, когда нити улик потянулись к руководителю Облпромсоюза Вдовину и к самому Лещинскому, следователю пришлось из-за обилия материалов выделить эти дела в особое производство. И не его вина, что никакого движения это производство не получило. Зато Лещинский продвинулся и стал начальником Управления бытового обслуживания.

У людей, досконально знающих историю вопроса, на сей счет мнение вполне определенное. Старый коммунист, бывший работник промкооперации тов. Тищенко пишет нам:

«Причина одна: Лещинскому всегда покровительствовал и покровительствует его род-

ственник, заведующий отделом горнома Н. Я. Чиков. Их жены — родные сестры».

Но разве может такое быть? Чтобы крупный работник городского комитета использовал родственные связи? Не верим! Вот только смущает нас одна деталь. Получили мы из Ленинградского горкома письмо. Приведем его полностью:

«По поручению Ленинградского городского комитета КПСС ответ на фельетон «Мусор в избе», опубликованный в № 34 журнала Крокодил за 1960 год, дан исполкомом Ленинградского Совета депутатов трудящихся».

И все. Письмо как письмо. Удивило нас только то, что подписано оно... тов. Чиковым. Как-то очень уж некстати всплыла вдруг его фамилия. Мы допускаем, что горком не чел нужным разбирать вопросы, поднятые в фельетоне. Но почему от его имени ведает этим делом, задевающим Лещинского, свяж Лещинского? Непонятно.

Да, ответ из Ленгорисполкома мы получили. Ни по форме, ни по содержанию он не отличается от известного нам решения «открытого» собрания. Так же берутся под защиту Лещинский, Ляпкин и Борисович. Так же осуждаются те, кто разоблачил взяточников: Тимофеева и Трофимов. Подписан этот документ заместителем председателя Ленгорисполкома тов. Зерновым.

В этой связи отметим такое обстоятельство. Хотя в письме то и дело говорится: «Ленгорисполком считает...», «Ленгорисполком сообщает...» — нам известно, что дела этого исполкома не рассматривал и потому ничего «считать» и «сообщать» не мог. Тов. Зернов, видимо, полагает, что его личное мнение во всех случаях может заменить решение такого большого и уважаемого органа, каким является исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Кстати, тов. Зернов на протяжении многих лет работал в системе промкооперации, был близок по службе и с Лещинским и с другими руководящими деятелями.

Хорошо нам известная тов. Петрова, секретарь парторганизации Управления бытового обслуживания, в справке, составленной в связи с опубликованием фельетона, сообщает любопытный факт. Стремясь доказать, что осужденный взяточник Гольшев не работал в Управлении бытового обслуживания, она пишет: «Гольшев не был принят на работу в управление, так как тов. Ляпкин рассказал бывшему начальнику управления тов. Зернову о пьянстве и аморальном поведении Гольшева».

Значит, тов. Зернов знал, что Гольшев пьяница и аморальный человек. Это, однако, не помешало Гольшеву стать управляющим трестом гостиниц, откуда он уже и ушел на скамью подсудимых. Видимо, опять-таки «Ленгорисполком решил»...

Что же, в общем, получается? Можем ли мы относиться с полным доверием к письмам, отпечатанным на авторитетных бланках, но подписанных в одном случае родственником затронутого лица, а в другом — его старым сослуживцем и соратником? Нет, не можем.

И второе. Можно ли считать нормальным, чтобы уголовные дела не доводились до конца, чтобы всплывшие на процессе новые имена и новые обвинительные материалы повисали в воздухе? Нельзя.

Как было бы полезно, хотя бы тому же тов. Зернову, если бы следствие распутало весь клубок обвинений и была бы доказана кристальная честность и его самого, и Лещинского, и Левина, и Аншелевича, и многих других, упрямо поминаемых в толстых томах уголовного дела!

Опыт показывает, что для проведения такого расследования Ленинградская прокуратура никак не находит времени. Но, может быть, товарищи из прокуратуры республики могут помочь в этом, на наш взгляд, полезном деле?

СОБАКИ-ХРАБРЕЦЫ

Недавно чабаны Мариновского совхоза пригласили к себе администратора цирка, совершающего гастроль по Целинному краю.

— Выручай, дорогой друг, — обратились к гостю чабаны, — на тебя вся наша надежда.

— Гм... Вы хотите посмотреть наше представление? — Нет, представлений у нас и своих хватает. Вот послушай... И поведали чабаны гостю странную историю.

— Прошлой осенью, когда была еще Акмолинская область, приобрели мы в Облплемконторе пятерых сторожевых собак, специально обученных на киевской опытной станции «Терезино», награжденных дипломами и медалями. Одним словом, роскошные собаки. Одно только нас смущало: очень уж они миниатюрные — с кошку.

«Это ничего, — заверили нас в конторе, — мал золотник, да дорог. Они только с виду мизерные, а на деле — волка загрызут. И стоят недорого: одни по 850 рублей, другие по 900».

Ну, значит, купили собачек, пустили в отару. И вдруг замечаем, что наши «волкодавы» овец боятся. А овцы — они хитрые, им известно, что хоть кто-нибудь на свете их боится — и давай за собаками гоняться. Собаки врассыпную. Видно, овцы им страшнее тигра кажутся.

— Да, вижу я, что местные волки могут спать спокойно, — усмехнулся гость. — Интересно, а привыкли собаки отличать овец от тигров?

Поники головой чабаны. Нечего им было ответить гостю. Разве только поведать о трагической кончине двух собак от козьих рогов и овечьих копыт (настигли-таки!).

— Все это, конечно, грустно, — сказал администратор, собираясь в обратный путь, — но чем я-то вам могу помочь?

— Дорогой аксакал! — взмолились чабаны. — Пожалуйста, заведи наших собачек. Не за деньги — задаром бери! Может, на цирковой арене они раскроют свои таланты.

Но гость наотрез отказался приобретать собачек. Даже даром. Ведь на первом же представлении они примут униформистов за тигров и, поджав хвосты, убегут с арены. Поди потом доказывай публике, что виноват не цирк, а дрессировщики опытной станции «Терезино». Кто этому поверит!

Н. БАЖЕНОВ

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— За что же мы деньги платили! Расскажи хоть, чем там дело-то кончается!

=МОСКВА ХУДОЖНИКУ БОРИСУ ИВАНОВИЧУ ПРОРОКОВУ=
 ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ЗПТ ЗАСЛУЖЕННОГО
 КРОКОДИЛЬЦА ЗПТ С ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ СО ДНЯ
 РОЖДЕНИЯ И ПРИСУЖДЕНИЕМ ВАМ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ ВСКЛ
 =КРОКОДИЛ -

Что нового в сатирическом цехе

«МОДА НА КВАЗИМОДО»? Да, представьте себе, есть и такая. Справки о подробностях — в Библиотеке Крокодила, у автора одноименной книжки горьковчанина М. Полонского.

КОНКУРС «НИАНГИ» закончился, как водится, парадом победителей. Они выступили в очередном сборнике Библиотеки «Нянги». Приветствуем новую поросль грузинских сатириков!

«ФЕНОМЕН» выставлен на всеобщее обозрение украинским сатириком В. Безорудько и издательством «Советский писатель».

«ЛОВЦЫ ДУШ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ» фигурируют и в сборнике Саратовского книжного издательства. Местные литераторы А. Чернышев, Я. Явчуновский, Н. Замятин и другие свидетельствуют, что «Не святым словом сыт брат Фили-

мон», рассказывают «О том, как септант Минишка продавал места в рай», о «Матушке Надуваевой и бесах», о «Чудотворной луковиче» и многом иным, смеха достойном.

«УБИЙЦЕ С ИСТ-РИВЕР» посвящен вышедший в Госполитиздате памфлет М. Семенова. На обложке — укрывшийся под голубым флагом ООН Даг Хаммаршельд. О нем и речь!

«ОДНУ МИНУТОЧКУ» лопросил у ребятешек А. Валевский. Для чего? Чтобы поведать им о «Встрече с разгромным счетом», о том, как «Лида Н. совершает открытие», и о других столь же занятных событиях. Этот сборник сатирических рассказов для детей среднего школьного возраста выпущен издательством «Советская Россия». А вот в Новосибирском книжном издательстве вышла «Шутки-малютки» специально для взрослых. Автор — местный писатель Е. Черский.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. И. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 01275 Изд. № 559. Подписано к печати 26/IV 1961 г.

Формат бум. 70×108¹/₂. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 1178. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

10 МАЯ 1961.

261

Всесоюзная
Книжная палата
контроль экземпля.
1961 г.

